

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда ШИШКИНА

Каменный ангел

Рассказы

Составитель – Н.Н. Калашников

Новокузнецк
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ш 65

Шишкина Надежда Владимировна

Каменный ангел : рассказы / Надежда Шишкина ; составитель и ответственный за выпуск – Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2011 . – 96 с. : фото, ил.

© Надежда Шишкина
Фото Сергея Загнухина
© Рисунок на обложке Константина Егорова

ШИШКИНА Надежда Владимировна родилась 22 сентября 1989 года в Новокузнецке. Закончила школу № 4 в 2009 году. Работает продавцом. В КЛФ «Контакт» пришла в июне 2007 года. Первая публикация – в поэтическом сборнике «Попроси у неба крылья», выпущенном к 30-летию КЛФ «Контакт» в 2008 году. В 2010 году выпущен сборник стихов «Мой маленький бумажный сон».

Ветер и Лиза

Ветер бродит по улицам, как бездомная собака. Любопытно заглядывает в открытые окна, раздувая шторы, как паруса. Треплет и обрывает пожелтевшие листья с деревьев. Срывает шляпки с голов городских модниц. Заглядывает даже в мусорные баки, вытаскивая и раскидывая по улице бумагу и пустые пакеты. Ветру скучно, он гуляет, надеясь увидеть что-то интересное. И находит – на краю крыши одной из многоэтажек стоит девушка. На ней короткая юбка, которую бесстыдный ветер тут же задирает вверх, теплый свитер и легкие сапожки. В руках у девушки ярко-красный воздушный шар. Он дёргается, стремится сорваться с прочной нитки и улететь то ли вверх, то ли вниз – он и сам ещё не знает. А девушка крепко его держит. Свободной рукой она убирает с лица разметавшиеся соломенного цвета волосы. Ветер слегка толкает её. Девушка покачнулась, но устояла. От края крыши она не отошла. Ветру она кажется похожей на ангела, случайно попавшего на землю. Такое же нежное светлое лицо, а во взгляде – невинность и мудрость сразу. Девушка стояла, неподвижная, но очень живая. Ветер восхищённо смотрел на неё, но вдруг громкий и резкий крик разогнал волшебство...

– Лиза! Лиза, ты опять?! А ну иди сюда, зараза!

На крышу неловко поднимается полная пожилая женщина. Она смотрит зло и нервно.

– Иди сюда, я кому сказала! – И она прибавила несколько ругательств. – Я уж с ног сбилась, тебя искала. Ты вообще хоть о чём-нибудь думаешь, а?

Девушка вздыхает, отворачивается от края крыши и идет к женщине.

– Что молчишь, бесстыжая?

Девушка не отвечает, а женщина злится все сильнее.

– Ты вообще слушаешь, что я говорю? Сколько раз повторять можно? – ругалась она. – Надоело уже тебя, беспутную, учить! Ну, отвечай?

Девушке нечего ответить, и она стоит, опустив голову.

– Да я ж тебя!.. – Женщина замахивается и бьёт девушку по лицу. – Получай! Будешь знать, как матери нервы трепать!

Сорвав зло, женщина уходит. Лиза идет следом, едва переставляя ноги, спускается вниз, на десятый этаж, запирается в своей комнате и тихо плачет, закрывшись с головой одеялом.

А ветер тяжело вздыхает, оставшись один на крыше. Ему жаль девушку, жаль, что она не может бесконечно стоять здесь, с шариком в руках, такая красивая и странная.

Ветер плетётся по улице, прячась под навесы и козырьки подъездов, пытаясь укрыться под голыми ветками от дождя. Холодные крупные капли срываются вниз и разбиваются об асфальт, расплескав каждая маленький мир. Ветру зябко, он дрожит, обхватывая себя широкими ладонями. Но вот он видит впереди хрупкий тёмный силуэт. Девушка, встреченная им однажды на крыше. Она идёт, ступая по самой кромке луж, размахивая открытым зонтиком. Волосы потемнели и облепили худое лицо. Нижняя губа разбита, девушка часто облизывает её кончиком языка, морщась от боли. Ветер подлетает, выхватывает зонтик у нее из рук, желая поиграть, развеселить её. Лиза кидается ловить, ветер перекидывает зонтик дальше. Так они бегают наперегонки, и девушка смеётся, ей становится легко и радостно. Она ловит ветер за холодные влажные руки, кружится, подбрасывая вверх опавшие листья. Ветер подхватывает их, будто желая вернуть обратно на деревья. Но тут волшебству снова было суждено развеяться. Звонок сотового телефона, две короткие фразы...

– Нет, мам.

– Да, мам.

И всё, ей пора уходить. Она идет прямо по лужам, ловя радость те остатки минут, что отделяют ее от многоэтажного дома, от знакомого обшарпанного подъезда, от знакомой, но нелюбимой двери.

Ветер носится по городу, как сумасшедший. Он бросается в окна, поднимается над крышами, спугивая стаи ворон с проводов, пролетает над самой землёй, закручивая мусор маленькими вихрями. Ему легко и весело, он вообще не умеет грустить так, как люди. Ему всегда хорошо. Он радуется последней осенней грозе, случайно забредшей сюда из весны. Так не должно быть, но так есть – и это лучшее, что было... Так думал ветер, проносясь мимо окна уже знакомого ему дома. Он знал все окна в городе, но это ему нравилось особо. На подоконнике, на десятом этаже, свесив ноги вниз, сидит Лиза. Она прислонилась к раме и смотрит в небо над городом, зажав в пальцах сигарету. Ветер приветствует её, всколыхнув шторы, метнув с сигареты уголек.

– Здравствуй! – кричит он, но гром заглушает его голос, и девушка не слышит.

– Здравствуй! – говорит он, но где-то внизу завывла сигнализация, и девушка не слышит.

– Здравствуй, – хочет сказать он, но...

– Лиза, чтоб тебя! – доносится из-за двери. – Закрой окно, дует же!

И девушка послушно спрыгивает с подоконника, выкидывает сигарету и закрывает окно. Она ещё долго стоит там, прижавшись лбом к холодному стеклу. Но ветра уже нет, он медленно спускается вниз, вертя в руках недокуренную сигарету.

Ветра сегодня нет. Он уснул, свернувшись клубочком на крыше одного из домов. Лиза бродит по улицам, пытается понять, от чего ей так грустно и неудобно – будто нет чего-то очень привычного. Она садится на скамейку в пустом парке аттракционов, достает гитару из старого потрёпанного чехла. Замёрзшие пальцы слушаются плохо, струны звенят не так, как надо. Редкие прохожие не обращают на неё внимания, идут по своим делам. Лиза сидит, обняв гитару, и задумчиво смотрит на двух воробьев, хлопотливо бегающих туда-сюда прямо перед ней.

– Ты опять за своё?!

Лиза молчит, прислонившись к стене. Мама стоит перед ней, уперев руки в бока.

– Нет, ну сколько можно? Тебе плевать на всех, кроме себя!

Лиза молчит.

– Мне каждый раз краснеть приходится, когда учителя звонят. Если так учиться не хочешь, бросай школу. Иди на панель – там работницы всегда нужны!

Лиза молчит.

– А у меня своих забот полно, кроме того, чтоб тебя караулить, – где ты шляешься! Тебе меня совсем не жаль, не думаешь обо мне ни капли!

Лиза молчит, она старается не упасть, но ноги ватные. Она всегда слабеет, когда мать начинает её ругать.

– А я всю молодость свою на тебя угробила! Думаешь, легко тебя воспитывать было – одной? Да что я говорю, ты вообще ни о чём не думаешь!

– Думаю... – шепчет Лиза.

– Что? Ты думаешь? Да знаю я, о чем ты думаешь. Только не о том, о чём надо! Бесстыжая! Я всё для тебя делаю, а ты о себе лишь беспокоишься. И деньги тебе даю, сколько надо, и все твои желания исполняю... Да я только пока рожала тебя, чуть не умерла...

– Ну и не рожала бы!

Лиза кидается в свою комнату, захлопывая дверь, закрывает её с той стороны.

– Открой! Слышишь, открой!

Лиза сползает по стене, закрывая лицо руками. Она опять виновата. Она наругала матери, хотя не хотела этого. Не смогла удержаться. Но кто же виноват, что она такая? Что не может она жить как все?

– Ну только выйди у меня оттуда! Ты уж свое получишь!

Ветер бродит по улицам. Вот уже много дней он совсем не видит Лизу. Она лежит в больнице. Её избил мать, за то что Лиза ей наругала. Ветер не знает об этом, ищет её везде. Ему немного печально. Птицы сегодня кричат тоскливее, чем обычно. Облака тяжелее, а воздух

холоднее. Люди прячутся по домам, закрывают окна, пьют горячий чай и ругают погоду.

Ветер увидел её. Она идёт по двору от школы, а рядом с ней идет молодой мужчина, они о чём-то говорят. Любопытный ветер подлетает, слушает.

– Если ты не захочешь это прекратить, это не прекратится. Я же знаю, это...

– Какая разница? – искренне удивляется девушка. – Это не важно.

– Ничего себе!

– Константин Викторович...

– Я же говорил, можешь звать меня не по отчеству.

– Константин... Если мне понадобится ваша помощь, я обязательно скажу.

– Ясно, – мрачно отвечает он. Он учитель Лизы, совсем молодой – первый год работает в школе. Лиза нравится ему, но он себе в этом не признаётся, ему стыдно за это. Лиза об этом знает, и ей все равно. – Ладно, делай что хочешь. Вроде не ребёнок уже, а ветер в голове...

Они снова вместе. Гуляют по городу. Давно гуляют. Лиза вышла на улицу днём, а сейчас уже начинается ночь. Лиза отключила телефон и не помнит, что ей давно пора домой. Ветер кружится вокруг, дёргает девушку за волосы, за рукава. Тянет за шарф – скорей, вперед, там что-то интересное. Лиза гладит случайно встреченную кошку, кормит семечками голубей и робких воробьев. Она поёт что-то – тихо, для самой себя. Ветер слушает – и ему нравится. Лиза поёт только добрые песни. Она балансирует, идя по перилам невысокой металлической ограды вдоль большой шумной дороги. Курит, выпуская ровные кольца белёсого дыма. Греется в случайных подъездах, круглосуточных магазинах. Ночью на улице холодно – снега ещё нет, но уже пахнет зимой. Ветер сметает с дороги девушки мусор, та принимает игру – наперегонки пинают пустую банку из-под пива. Дворовые собаки тихо ворчат на них, птицы испуганно разлетаются в стороны.

Им хорошо, им радостно, им уютно. Лиза ни о чём не думает, ни о чём не вспоминает. Ветер в голове... Как же верно, думает она. Она любит ветер. И знает, что ветер любит её, – когда стоит тихая и спокойная погода ей грустно, скучно... Ей нравится так думать.

Они сидят на краю крыши Лизиного дома, болтая ногами. Молча смотрят на звезды – в эту ночь их даже видно, ветер сам разогнал облака. Чёрные полосы проводов пересекают небо на квадраты, и Лизе кажется, что над ней огромная шахматная доска – только все клетки и все фигуры чёрные...

– Ах ты... – раздаётся нервный, истеричный крик. Лизина мама несётся к дочери по крыше, на ходу запахивая полы халата. – Да я тебя убью, тварь этакую!

Она подбегает, замахивается и ударяет девушку по лицу. Та, стоя на самом краю, покачивается и...

Разгневанная женщина не сразу понимает, что произошло. Она не успевает ни удержать дочь, ни даже испугаться...

Ветер на мгновение замирает на краю крыши. Он не испугался. Он просто кинулся вниз, надеясь успеть подхватить, удержать... Широкие ладони подхватывают девушку в метре от земли. Ветер поднимается над крышей, прижимая Лизу к себе. Та смотрит на него большими от удивления глазами.

– Здравствуй, – наконец говорит он, и она его слышит.

– Здравствуй, – отвечает она.

А внизу, упав на колени, причитает растрёпанная женщина с неприятным усталым лицом. Лиза смотрит на неё и вспоминает, как она летела вниз – так быстро, что её слезы срывались с ресниц и стремились вверх. Ей не страшно, но очень грустно.

– Пойдём, – говорит ветер. Он ставит её рядом, держа за руку. – Только не смотри вниз. Твоё тело теперь не такое красивое, как раньше...

Лиза останавливается, сделав всего пару шагов, оглядывается на мать.

– Но мы ведь сможем её навещать, – сказал ветер. – Правда.

Я люблю

Я люблю, когда город спит. Стихают голоса и гул машин, всюду царят темнота и тишина. Я люблю смотреть, как рыжие пятна фонарей расплываются вдалеке, смазанные широкой кистью первой настоящей метели. Как снег замечает следы, оставленные днём, словно никто никогда не ходил по этим улицам, по этим маленьким площадям и паркам. Всё живое спит, и над миром властвует зима, холодная и прекрасная, смертоносная, но сулящая свет и тепло впереди. Я всегда любила зимние ночи.

Ты больше любил осень. Медленное и прекрасное увядание природы, величие старости и мудрости. И теперь ты обречён медленно умирать, сгорать изнутри, высыхая, как осенний лист. А я навечно останусь в метельной зимней ночи, такая же холодная и беспощадная. Вот только я никогда не принесу тебе тепла. Я уже отдала его – всё, до последней капли, до последней искры света. Поэтому ты ещё жив.

Я помню Его, позволившего мне тебя спасти. Я помню его терпкий, горький запах и сильные, жесткие руки. Он смотрел на меня без насмешки в глазах, хотя его губы кривила едкая улыбка. Он смотрел на

меня без насмешки и жалости, и только это помогло мне решиться. Это – и твоё искалеченное тело в метре от меня. Тело, в которое ещё не поздно было вдохнуть жизнь.

Он предложил – и я согласилась.

Прости, что не спросила тебя.

Ты всегда был сильнее меня, ты сможешь жить с этим. Я бы не смогла. Медленно, мучительно долго умирать, превращаясь в никому не нужную развалину. Страдать от собственной беспомощности и постоянно вспоминать, как всё было до... А ты смог жить. Я знала, что не ошиблась, отдавая тебе свое тепло. Теперь с тобой всё в порядке.

А мне позволено быть с тобой. Он позволил. Хоть ты и не догадываешься о моём присутствии, хоть и не веришь в меня, я рядом. И буду с тобой до твоего последнего дня. Прости, что не могу рассказать тебе об этом. Но я же вижу, ты всё ещё любишь меня. Ты захочешь быть со мной, быть таким же, как я. Вряд ли Он согласится помочь нам. А сама я никогда не решусь. Отнять у тебя то, что я отдала добровольно. То, ради чего я стала такой...

Нет, никогда! Никогда ты не узнаешь обо мне, не услышишь, даже не задумаешься, что я могла выжить в том кошмаре... Да я и не выжила. Должна была, но не смогла. Так будет лучше нам обоим.

Я сделала выбор за нас обоих, и не жалею о нём.

Тем более, что такими вот снежными ночами я могу бесшумно опускаться на твоё окно, глядя, как ты спишь. Как знакомо хмуришь во сне брови или чуть заметно улыбаешься. Наверное, тебе снюсь я, когда ты улыбаешься во сне.

Иногда ты не спишь, сидишь на кровати, читая книгу или слушая музыку. И тогда я замираю, сливаясь с темнотой вокруг, чтобы даже на мгновение не заронить в твою душу сомнение...

И ты ничего не замечаешь. Вот уже восемь лет ты ничего не замечаешь. Ты почти не изменился за это время. Я не изменилась совсем, но ты не сможешь узнать меня, если встретишь. Для тебя я стала совсем иным, лишившись всего человеческого, что во мне было.

Иногда, когда я смотрю на тебя, рядом появляется Он. Я так и не поняла, кто он. Ангел? Демон? Древнее божество? Он лишил меня всего человеческого, дал мне мёртвое тело – и живую душу. Потому что только эта душа сможет собрать всю любовь к тебе, всю нежность и всю надежду. Я не пророню ни капли, потому что однажды мне придется расплатиться с ним. Не душой, но всем, что она хранит...

Я смотрю на тебя, а Он смотрит на меня, и в Его взгляде нежности и тоски не меньше, чем в моём. Он протягивает руку и осторожно гладит меня по плечу. И тогда мне кажется, что Он – это ты. Что на самом деле не на тебя я прихожу смотреть каждую ночь, а на твоё опустевшее тело. А твоя душа здесь, рядом со мной, смотрит на меня и гладит мои плечи, надеясь услышать хоть какой-то ответ.

Я знаю, что Он может всё исправить. Вернуть назад. И ты снова станешь здоровым и сильным, а я – живой. Но тогда мне самой придется лишить нас нашей любви. Уйти с Ним, оставив тебя одного... совсем одного.

Я люблю, когда город спит. Когда спишь ты. Когда спит весь мир, и только мы вдвоем сидим на твоём окне, каждый глядя на свою любовь. Когда-нибудь Он позволит нам быть вместе. Когда придёт твоё время, и остатки моего тепла не смогут согреть твоё постаревшее тело. Тогда ты увидишь меня, и выйдешь ко мне, сядешь рядом на подоконник. Я возьму твою руку и...

– Ты опять замечталась, – с едкой смесью иронии, ненависти и горькой боли говорит Он. И я отпускаю Его руку. В последний раз смотрю на тебя, уже готового проснуться. И ухожу, пока первые солнечные лучи не выдали меня, пока ты еще не знаешь обо мне. Он остается на твоём окне, потому что Его всё равно не увидеть живыми глазами.

А я вернусь завтра, с закатом, и Он будет ждать меня на твоём окне...

Руки

Бледные тонкие пальцы. Они похожи на стебли трав, скованные хрупким прозрачным инеем. Страшно коснуться их – сломаются, разобьются, как тончайший хрусталь. И на острых сколах не будет крови – только прозрачная ледяная вода...

Руки. Совсем другие. Крепкие мужские руки, сильные, с загорелой, чёрной от грязи кожей. Все в садинах, царапинах и шрамах. На левой – не хватает мизинца. На правой – обручальное кольцо, сделанное из куска тонкой проволоки.

Эти руки, эти изувеченные пальцы, ещё способные быть сильными... они танцуют вокруг тонкой, звенящей от холода кожи, ломкой и хрупкой. Танцуют, кружат, не осмеливаясь прикоснуться.

– Что же ты?

Тихий шёпот мог принадлежать самой смерти. Морозный, уже не здешний, безжизненный. Слабый-слабый голос...

Мужские руки прекращают свой танец, замирают в миллиметре от прозрачной кожи, сжимая маленькое серебряное кольцо. Потом бережно, чуть подрагивая от страха, всё-таки прикасаются к замерзшим пальцам. Их кожа ледяная и безжизненная, как и голос. Слабые-слабые руки... Кольцо мягко скользит на безымянный палец.

– Нравится?

– Где ты его нашёл?

– Там...

Повисает напряжённая тишина. Слышно лишь как потрескивают дрова в огне, да стук сердца... одного сердца. Второе уже не бьётся, оно уже молчит, оно не оживёт никогда...

– Даже если я выживу?

– Я не знаю...

Голоса становятся всё тише. Руки обнимают руки, пытаются согреть, передать им хоть капельку жизни. Но холод поглощает всё – и тепло, и жизнь, и горячие росинки слез, оседающие на пальцах...

– Я хочу посмотреть.

Руки скользят по рукам – выше, от запястий, вдоль синих, почти чёрных на белой коже вен, к узким плечам.

– Помоги мне подняться...

Но слабое тело не способно даже стоять. Руки поднимают его – легко, как бумажную куклу. Несут мимо догорающего костра. Несут к окну. К провалу в стене, кое-как закрытому досками и кусками ткани. Ветер врывается в щели, забивает их комками снега.

– Убери...

Руки срывают ткань. Отрывают доски, царапая кожу о гвозди. Капельки крови падают на иней бледных пальцев. Но и они не способны помочь...

– Красиво.

– Холодно...

Мужские руки обнимают плечи, хрупкие, почти детские плечи, пытаюсь согреть, удержать тепло... но... слишком... сильно...

Маленькое кукольное тело ломается. С хрустальным звоном падает на землю, разбиваясь на мириады осколков. Рвется прозрачная кожа. Ломаются бледные пальцы. Рассыпаются по грязному полу паутинки седых волос. Стекланные глаза тускнеют, и эхом раздается мёртвый шепот:

– Красиво...

И тонкое серебряное кольцо соскальзывает с безымянного пальца мёртвой руки, звонко проносится по бетону и падает в пустоту окна, в одно мгновение затерявшись в бесконечной снежной пустыне...

Милость богов

Они бежали.

Они не могли ничего сделать.

Бежали, бросая оружие, натываясь друг на друга, не умея подавить – не имея даже шанса подавить этот утробный, животный страх.

Думая только о том, как спастись, сбежать, уйти от этого невыразимого ужаса.

А я стояла.

Людская лавина обтекала меня, не смея приблизиться.

– Леди Элен! – различила я сдавленный крик. – Леди Элен, бегите!

Я хотела убежать.

Убежать вместе со всеми.

Но не могла.

Тот самый страх, гнавший прочь всю мою доблестную, прославленную армию, приковал меня к месту неподъёмными цепями.

Я даже пошевелиться не могла.

А ЭТО... ЭТО приближалось, и мне становилось всё страшнее...

Невыразимый, невыносимый, нестерпимый ужас. Сама смерть и страх во плоти.

Я не видела ЭТО, но не чувствовать было невозможно.

Оно несло на меня, всё быстрее и быстрее.

Всё тяжелее делались невидимые цепи, но я не упала.

Я смотрела, не в силах отвернуться или закрыть глаза.

Боги, ангелы и демоны, души умерших и не рожденных, духи и стихии – они неслись ко мне, даже не замечая меня.

Они должны были поглотить, уничтожить, растворить в себе меня, такую глупую и жалкую против этой неудержимой силы.

Я стояла.

Я не могла ничего, кроме как стоять.

И смотреть.

Оно обрушилось на меня со всех сторон, я сразу оказалась в самом центре ЭТОГО.

Вся боль, весь гнев и страх, вся тоска и скорбь, все мучения и сомнения, вся ненависть и печаль обрушились на меня, проходили сквозь меня.

Медленно, бесконечно – давая прочувствовать, осознать и пережить каждую секунду, каждое мгновение этих страхов, печали, смерти...

Они врывались в меня, проносились стремительно и бесконечно.

Они срывали с меня одежду, волосы, кожу.

Они срывали с меня привычную маску отчуждения и равнодушия.

Оны вымывали из меня всю любовь, страсть, нежность, всю радость моей жизни до последней капли, до последнего лучика солнца, согревшего когда-то моё лицо.

Это длилось вечно и закончилось в одно мгновение.

Я увидела солнечный свет – слишком яркий, чтобы быть, слишком бледный, чтобы казаться призрачным. Звуки и цвета, запахи – всё пронеслось мимо меня, я чувствовала их, но не могла *ощутить*.

Я уже не была с ними.

Я не могла быть с ними.

Я уже была мертва.

Они смотрели на меня, как на привидение. Они боялись меня, не зная, кто я и что несу. Верно, чувствовали то, что я всё ещё несла в себе. Несла мучительными кошмарами наяву, своим извращённым, мёртвым зрением, своим измученным, искалеченным телом.

Они смотрели, молча, сбившись в толпу, боясь пошевелиться.

Я отвела от них взгляд и почувствовала волну облегчения, прокатившуюся в толпе.

Страх ушел.

Но тревога осталась.

– Не бойтесь, – сказала я, не слыша собственного голоса. – Я сегодня сыта.

Я врала.

Я никогда не могла насытиться.

Я никогда не могла вдоволь напиться этого сладкого, дурманящего напитка, хмельного и мучительного зелья.

Любовь, нежность, забота, счастье, радость...

Я никогда не смогу заполнить себя ими так, чтобы не желать больше опустошать этих живых, любимых, счастливых людей.

Я отвернулась и пошла прочь.

Они смотрели мне в спину.

Я знала.

Они не поверили мне, они ужаснулись от моих слов.

Я знала.

Они не посмеют приблизиться ко мне, даже для того, чтобы убить.

Я и это знала.

Не знаю только, можно ли меня вообще убить. Не знаю, сколько уже я брожу так – серой бесплотной тенью, пожирающей чужое счастье.

Он нагнал меня далеко от города.

Я шла, не поднимая глаз.

Этот человек не был мне нужен.

– Так это ты? – Он спросил без любопытства, без страха. Без гнева.

У него не было ничего, кроме усталости и старой, закостенелой скорби.

Он мне не нужен.

Я не ответила.

– Я думал, ты больше похожа на старуху, – сказал он. – А ты почти молодая... если не смотреть на волосы.

И в глаза, – мысленно добавила я.

– Не боишься идти со мной рядом?

Он пожал плечами:

– Тебе нечего у меня забрать.

Он прав.

– Куда ты направляешься?

Я не ответила. Никогда об этом не думала – просто шла.

– Хочешь есть?

Я задумалась. Я так давно не ела, что почти забыла, как это. Чувства голода – обычного, человеческого голода – было мне чуждо.

– У меня есть кое-что, может, не откажешься разделить со мной скромный ужин?

Я остановилась и внимательно посмотрела на него.

Он был безумен.

Он предлагал мне – МНЕ! – еду.

Он был безумен и знал это, и это ему нравилось.

Всё равно ничего больше нет.

Только усталость, скорбь и безумие.

Наверно, мы были очень похожи.

Я кивнула.

Еда, как и ожидалось, показалась мне безвкусной и пустой. Я съела совсем немного и стала смотреть, как ест он.

Я отрешённо подумала, что безумие делало его красивым. Лихорадочно блестящие глаза под полуопущенными длинными выгоревшими на солнце ресницами. Чуть выгнутый в сторону – видимо, сломанный – нос. Узкое, худое лицо. Редкая седина в бледных, рыжеватосерых волосах.

– Не нравится? – спросил он, видя, что я не ем.

– Я не чувствую вкуса.

Он кивнул, будто понял.

Закончив с едой, он встал, отряхнул одежду и спросил:

– Не хочешь сходить в Лингерд?

Я смутно припомнила, что Лингерд – большой город на востоке. Где-то у гор. Каких гор?

Я никак не могла вспомнить. Всё равно.

– Хорошо.

Мне было всё равно – с кем и куда идти.

Он неумоимо шагал рядом, поглядывая по сторонам. Начинали сгущаться сумерки, но он и не думал об отдыхе. Очень странно для обычного человека.

– Устала?

Я мотнула головой.

– Я не устаю.

– Я тоже. – И добавил, поняв, что меня не обмануть. – Почти.

Мы шли не останавливаясь до самого утра. Он действительно был очень вынослив, но он всё-таки был человеком.

На привале он развёл костер, достал сухари, сыр, вяленое мясо.

Я от пищи отказалась. Мне незачем.

Он сидел, поглядывая на меня, и вдруг спросил:

– Говорят, это ты остановила Гнев Богов.

– Я его не останавливала. Я его НАСЫТИЛА.

– Как это?

– Он был ГОЛОДЕН. Я его накормила. Собой.

– Как ты сейчас?

Я кивнула. Я могла бы не отвечать на вопросы, но он спрашивал.

– Я был там. Я бежал одним из первых. И бросил свою госпожу... тебя, то есть. Я думал потом, что мне стоило остаться.

– Ты не смог бы.

– Почему?

– Гнев Богов выбрал меня, а остальных прогнал. Вы бы ничего не могли сделать. Вы не выбрали.

И – ни радости, ни облегчения. Только шевельнулась где-то глубоко туго спеленутая память.

– Ты почти красивая, – сказал он вдруг.

Я промолчала.

Опустила голову, глядя на свои руки. Руки ещё молодые, сильные. Седые волосы упали на лицо, щекоча шею. Я почувствовала это так же смутно и отчужденно, как и все остальное.

Седые, как у старухи, волосы и бесцветные бездонные глаза. Это вся я. Больше ничего нет.

Мы молчали. Я чувствовала каждой клеточкой своего изувеченного тела, каждой частицей своей умерщвлённой души, как в нём копошится, разбуженная, растревоженная память.

Больная память.

Больная и искалеченная, как я.

– Ты безумен.

– Знаю.

Я смотрела на него, чувствуя, как приходит – не из него и уж тем более не из меня – откуда-то извне, издалека – нечто огромное и тревожное. И я впервые не смогла понять, что это.

Первые солнечные лучи коснулись его головы, и бледные, припорошенные пылью волосы заблестели медью. Слишком ярко. Слишком реально.

– Что происходит?

Я не узнала свой голос. Бесцветный, сухой, безжизненный...

Что-то дрогнуло внутри.

Как мёртворожденный ребенок, вдруг вздохнувший на руках уже смирившейся матери.

Он подсел ближе, коснулся моей руки своей.

И я впервые за бесконечность, проведённую мной в поисках новой пищи, кровавой, мучительной пищи, почувствовала тепло.

Живое, человеческое ТЕПЛО.

Я подняла голову, посмотрев в его безумные глаза.

– Что это?

Он улыбнулся, хотя я до сих пор не чувствовала в нём ничего, кроме скорби. И усталости. И безумия.

НЕЧТО приближалось к нам так стремительно и неумолимо, что я чувствовала ЕГО движение.

Я не знала, что это.

Я впервые за эту чудовищную, мёртвую бесконечность, почувствовала, что я еще существую, что я есть...

Мне было НЕ ВСЁ РАВНО!

– Что это?

Он схватил меня за руки, больно сжав запястья.

Больно?

БОЛЬНО?!

БОЛЬНО!!!

– Что ЭТО?!!

Он смотрел прямо мне в глаза, не давая отвести взгляда, держал его так же крепко, как руки.

– Не бойся...

ЭТО поглотило нас – меня? – и понесло, кружа в невидимом бешеном водовороте. Я снова ничего не чувствовала и не видела. Не ощущала.

А потом я остановилась.

Я снова оказалась там.

ТАМ.

Я видела бегущих людей – тех самых.

Я слышала крик:

– Леди Элен! Леди Элен!

Я стояла, не в силах пошевелиться.

Но теперь ЭТО не было ужасающим.

Не для меня.

Все эти люди, в панике бегущие прочь, – они просто здесь лишние.

НАМ нужно было остаться наедине.

– Леди Элен!

Этот голос был повсюду.

Но ОНО было уже во мне...

Светящаяся восторженная волна неслась сквозь меня, наполняя любовью, свободой, счастьем и нежностью. Смех, радостный смех заполнил меня, как солнечный свет, как морозное утро, как шелест волн... Я смеялась, и вместе со мной смеялось всё, весь мир.

Ликование, восторг переполнили меня, не оставив и следа от страха и смятения прошедших лет. Сердце трепетало, купаясь в этом свете, в этой радости. Душа, омытая и очищенная, ликовала и сияла, как ТО, что проходило сквозь меня.

Птичьи голоса, звон воды и гул ветра. Запах мокрой травы и горячего песка. Жар костра и нежность рук...

Если то, что мне пришлось пережить раньше, – плата за ЭТО, то она слишком мала. Я готова была отдать всё, ВСЁ, лишь бы пережить ЭТО снова...

Но всё закончилось. Вокруг была приятная мерцающая темнота, мягкость и любовь.

– Леди Элен!

Я открыла глаза.

– Что это было?

Он стоял рядом со мной на коленях, весь какой-то мокрый, взлохмаченный. Живой...

– Что это было, Эд?

Я вспомнила его имя так же легко и естественно, как все остальное. И мою армию, единственное наследство моего мужа. И молодого, веселого капитана, всегда помогавшего мне и защищавшего меня.

От всех.

От себя.

От меня.

От Богов.

– Что это было?

Он улыбнулся и мягко провел жёсткой, мозолистой ладонью по моей щеке.

– Не бойся, госпожа. Теперь все будет хорошо.

– Что это было?

– МИЛОСТЬ БОГОВ.

Серьга

Дух войны

I

Я лежал, уткнувшись лицом в землю. Было тяжело дышать, словно грудь сдавило. Ни встать, ни даже повернуться сил не было. Я мог только лежать, с трудом втягивая сухой воздух, и слушать приглушённые голоса. Я не видел говорящих и не понимал, о чём идет речь. Половину слов я просто не знал.

Я вообще ничего не понимал.

И никак не мог вспомнить, как тут оказался.

Вряд ли я был здесь всегда...

Тем более, что в памяти что-то копошилось. Что-то неприятное и странное, никак не собирающееся вместе. Так, обрывки каких-то событий. В основном – боёв.

Шум, крики, звон оружия. Ржание лошадей. Какой-то тихий, но пронзительный свист. Кажется, я воевал. Сражался.

Я помню тяжесть в своей руке – это меч. Помню, каким легким он стал, когда с другого конца его подпер чей-то шлем. А потом шлем развалился на две части, и меч снова стал тяжёлым. Да. Я убивал.

Я убивал. Я был смертью – это слово вспомнилось легко и просто. Я рубил, колот, бил – ничего не видя перед собой. Только искажённые маски...

Я вспоминал – всё легче и легче. Всё проще мне было представить этот бой. Их много – я один. Им было страшно – мне нет. У меня перед глазами плясали кровавые полосы. А их глаза были чистыми и живыми – но быстро превращались в мёртвые...

Я помню еще радостные крики птиц – больших чёрных птиц – и топот.

Больше ничего.

Вся моя память уложилась в несколько мгновений боя – но эти мгновения были очень долгими. Вся моя жизнь... Потому что больше я ничего не помнил.

Совсем.

Ни-че-го!

Нет, было ещё... Крик – истошный, испуганный крик.

– Айсарг! Айсарг!

Наверное, это кричали мне – потому что больше слышать этого никто не мог. Кричать – тоже.

Я почувствовал легкий толчок в бок. Неловко повернув голову, я попытался посмотреть, кто ко мне подошёл. И встретил глаза, такие холодные, что меня бросило в дрожь. Если бы не светлые волосы и пятно лица вокруг, эти глаза слились бы с бледным голубым небом.

А ещё я увидел меч – единственное, чему я знал имя. Тяжёлый красивый меч. Больше я ничего не мог сказать про этого человека. Я не помнил о возрасте, не знал, какими могут быть люди. Только оружие – как единственная связь с миром вокруг.

– Кто ты? – спросил человек, и его голос отдался в моей голове гулом колоколов – только сейчас я вспомнил, что это такое. И мне это не понравилось... Зато я догадался – было и ещё что-то, кроме боя. Откуда-то я знаю, что есть колокола.

Наверное, я промедлил, думая об этом. Человек повторил снова, и на этот раз голос его был твёрже и жёстче.

– Кто ты?

Я не слишком понял, что он хотел узнать. На всякий случай повторил:

– Кто ты?

Он нахмурился и сказал быстро:

– Я – Морис, лорд Грозовой Башни. А это, – он указал рукой в сторону. Я проследил за его движением и увидел еще нескольких воинов. – Это – мои люди. Я вёл этих людей от самых гор, чтобы успеть уничтожить последние отряды врага. Но ты успел вперёд. За это тебе

спасибо. Но, когда мы пришли тебе на помощь, ты кинулся на моих солдат...

Он неожиданно замолчал, сжав побелевшие губы.

Я медленно прокрутил у себя в голове его слова, пытаюсь понять смысл.

– Помощь... Я убивал? Твоих?..

– Да, Тьма тебя забирай! – крикнул он. Я ничего не понимал, кроме того, что он злится на меня. За что?

– Ты убил моих солдат! Тех, кто хотел тебе помочь! Моих людей!

– Я... мне не надо... помочь.

Он замолчал, глядя на меня сурово. Голубые глаза были неподвижными и холодными, а лицо напоминало камень. Такое же неподвижное и бледно-серое.

– Они хотели убить... – на всякий случай сказал я. Может быть, он просто не знает, что здесь было? А я – знаю?

– Они хотели помочь! Спасти тебя! Мы на одной стороне... были, – тихо закончил он. Окинул взглядом кучу тел, валявшихся на месте боя.

– Это были... разные? – сообразил я.

– Разные? – Тонкие брови воина сошлись в черту. – Кто ты такой?

Я не ответил. Я и сам не знал.

Вместо этого я попытался сесть – но что-то держало мои руки за спиной, не давая ими воспользоваться.

– Не так быстро! – предупредил Морис. – Ты хорошо связан.

– Связан... – повторил я. Слово мне понравилось. Но не понравилось, что оно меня держало. Кое-как я всё-таки сел. Дышать сразу стало легче.

– Как тебя зовут?

Зовут? Зов, имя...

– Имя?

– Да, да, имя!

– Не знаю... Может быть... нет.

– Что – нет?

– Это не имя... Наверное.

Морис нахмурился.

– Говори.

– Они звали – Айсарг. – Я кивнул на груду мертвецов.

– Они? Так вы были вместе? – Рука Мориса легла на рукоять меча.

Этот жест мне не нужно было объяснять.

– Нет, – быстро ответил я.

– Откуда ты, Айсарг?

– Не знаю, – честно ответил я.

– Как так?

– Не помню...

– Как оказался здесь? Что произошло?

– Не помню.

– Не помнишь? Не помнишь, как бился один против двадцати? Не помнишь, как всех убил?!

Я качнул головой.

– Не помню.

– Да по башке ему прилетело, – заявил, подходя, еще один воин. – Память-то и отшибло. Я слышал, такое бывает.

– Не мог же он забыть всё?

– Как знать...

– Но на нем нет ран. Ни царапины.

– Ну... Может, рукоятью ударили. Или щитом.

Я молча следил за их разговором, вмешавшись только раз.

– Меня не ударили. Не успели... – Я вспомнил, сколько было попыток.

Оба воина посмотрели на меня удивленно.

– Как так?

Я двинул плечами – это движение получилось само собой, я не успел его отследить.

Морис промолчал. Его правая рука лежала на гарде меча, левая теребила короткую светлую бородку. Он думал о чём-то, наверное, обо мне. А я смотрел на его людей. Они сидели или ходили вокруг костра, эти люди. Их было довольно много – больше, чем моих врагов. Только шестеро из них лежали чуть в стороне, укрытые плащами, и не шевелились.

– Не знаю, откуда ты взялся, – наконец произнес Морис. – Но дальше ты отправишься с нами. Мы возвращаемся в Грозовую Башню – и там ты примешь суд и наказание. Если только лекари не подтвердят, что ты болен. Тогда тебе дадут всё необходимое и отправят в Гай-Хор.

Я не знал – не мог знать, – что такое Гай-Хор. Но почему-то в памяти шевельнулась, вставая, исполинская тень – неровный край, черная пелена и тихая, но мощная угроза, исходившая от одного только имени...

Морис и его воин покинули меня, ушли к костру. Я проводил их взглядом и снова наткнулся на тех шестерых. Ни один из них не шевельнулся, хотя я смотрел на них довольно долго.

Мне показалось – они мертвы.

Мне не показалось.

Они были мертвы. И их убил я – если верить Морису. Я верил – а что мне еще оставалось?

Я ехал в единственной повозке – все остальные, кроме двух тяжело раненых воинов, ехали на лошадях или шли пешком. Никто со мной не разговаривал. Меня кормили, дали мне одеяло – но почти не развязывали. Так что почти всю дорогу я ехал со связанными руками. Ни к какой работе меня не допускали, я и не просил.

Мой меч и все мои вещи, которых оказалось совсем мало, находились у Мориса. Он единственный и разговаривал со мной. Говорил об одном и том же каждый вечер, когда мы устраивались на ночлег.

– Что-нибудь вспомнил? – сурово спрашивал Морис каждый вечер. Я только мотал головой, отчего-то чувствуя себя виноватым.

– Нет.

Я не вспоминал – я учился заново. Слушал разговоры других воинов, внимательно смотрел по сторонам во время движения. На каждом привале пытался разговорить кого-нибудь. Но все держались от меня подальше, словно опасаясь. Через некоторое время я понял, в чем дело.

Они меня боялись.

Слабого, беспомощного и беспамятного.

Я узнал, что, оказывается, один человек практически не может победить целый отряд – двадцать солдат! Это, оказывается, много для одного...

И еще они считали меня то ли колдуном, то ли злым духом. Я с трудом понимал, что означают эти слова. Их мне объяснил Хорт, помощник Мориса, когда на одном из привалов он принес мне еду.

– Колдун – это человек, который может творить заклинания.

– Заклинания? – не понял я. Хорт поморщился.

– Ну... Представим, что у нас есть дрова, но нет огня. Обычный человек останется без костра. А колдун сотворит заклятие, и дрова загорятся сами собой. Ясно?

Я кивнул. Непонятным стало другое.

– Почему колдун – плохо?

– Ну... если он добрый, то это даже хорошо. Но где ж они, добрые колдуны? Сейчас все чаще попадаются злые.

– Злые не могут... творить заклятие?

– Ещё как могут! – хохотнул воин. – Только у злых не дрова загорятся, а живой человек.

– Плохо, – вздохнул я.

– Плохо... – с таким же вздохом согласился Хорт. Я спросил ещё:

– А дух?

– Дух... – Старый воин почесал бороду, которая была уже наполовину белой, и махнул рукой. – Дух – это сложно.

– Объясни, – потребовал я.

Хорт посмотрел на меня, забывшего даже о еде. Подтолкнул тарелку.

– Жуй.

– Расскажешь?

– Ты жуй, жуй... – повторил он. Тоскливо оглянулся на других воинов, косящихся на нас как-то странно. Я почувствовал, как они злятся. Мне уже объяснили – за что.

– Дух, – начал рассказывать Хорт. – Это как колдун, только не живой.

– Как так?

– Ну... Это не совсем человек. Это его душа, или душа животного. Или просто так душа – ничья.

– Они тоже могут... заклятия?

– Могут... И еще похлеще колдунов могут!

Я помолчал. Чем больше я узнавал об этом мире, тем меньше он мне нравился. И тем больше мне хотелось понять его – ведь другие люди любят этот мир. Иначе почему они так тяжело умирают?

– Хорт! – Голос Мориса хлестнул, как плеть. Я вздрогнул и торопливо доел кашу, протянул воину опустевшую чашку. Тот подхватил её и побежал к лорду. Я не слышал, о чём они говорили, но видел, как нехорошо косится на меня Морис. Старый воин выглядел виноватым, и я подумал, что это Морис запрещает другим со мной разговаривать. Почему?

– Может, тоже считал меня колдуном?

Но ведь я не умею творить заклятий и на духа совсем не похож... Я ведь еще живой.

– Скоро начнутся мои владения.

Конь лорда поравнялся с телегой, на которой я ехал. Морис смотрел в землю, но обращался ко мне – два воина рядом со мной спали. Я вдруг решился задать вопрос, ещё с первой встречи засевший у меня в голове.

– Что такое Гай-Хор?

Морис вздрогнул и покосился на меня. В голубых глазах мелькнуло что-то... неужели страх?

– Гай-Хор – это горы севернее моей башни, – хмуро ответил он. – Необитаемые горы.

– Нео... что?

– Там никто не живет, – нетерпеливо пояснил лорд.

– Ты говорил...

– Если лекари признают тебя сумасшедшим – ты отправишься в эти горы.

– Что там делать? – удивился я.

– Если сможешь – жить. – Морис помрачнел и сказал неожиданно тихо. – Таков обычай. Не мне его менять. И, поверь, – для тебя это лучший выход.

Я так и не понял, что он хотел мне сказать. Какой выход? Откуда? И почему – лучший? Есть и другие? Я тряхнул головой, разгоняя вопросы.

– Что это? – Морис наклонился в седле, глядя в мое лицо. Нет, куда-то мимо... Я оглянулся, но ничего не увидел. Морис вытянул руку и ухватил меня за ухо.

– Что это?

– Не знаю, – честно ответил я. По-моему, он уже и не ждал от меня другого ответа.

– Серьга, – сказал он. – Откуда она?..

Он осёкся, понимая, что спрашивать бесполезно. Я представления не имел, что такое серьга. Поэтому, как только мне развязали руки на привале, я ощупал ухо. На нижней его части висело маленькое железное колечко. Хорт привычно уселся рядом – в последние дни он кормил меня сам, понемногу рассказывая обо всем вокруг. Спросил с улыбкой:

– Что такое?

– Серьга, – повторил я загадочное слово Мориса. Оно звучало приятно. – Серьга...

– Вижу, – кивнул воин. – Красивая.

– Да? – Я не мог увидеть ее, только ощупать.

Хорт протянул руку, и вдруг серьга оказалась у него на ладони, а в моем ухе – только маленькая дырочка. Я удивлённо посмотрел на металлическое колечко – тонкое, тусклое, покрытое каким-то узором.

– Серебро, – важным тоном сказал Хорт. – Старинная работа.

Я взял серьгу с его ладони, покрутил в пальцах, едва не выронив при этом. Действительно, красиво...

– Давай, вставлю обратно. – Старый воин забрал серьгу и снова прицелил к уху. Посмотрел на меня, чуть отстранившись и вздохнул. – Странный ты... Молодой ещё совсем.

– Я?

– Ты, ты... Жалко тебя, щенка. Я же вижу – ты не злой... Только Морис тебя не простит. Ты его людей убил, а он за своих... Эх! – Хорт махнул рукой. – Что говорить... Вот как отправят тебя в горы... Или убьют – неведомо еще, что хуже.

– Убьют? – Я дрогнул, ошалело посмотрел на воина. – За что?

– А за что убивают?

– Не... не знаю.

– А я знаю. Ты наших парней убил?

– Наверное, – кивнул я.

– Не наверное, а убил. Значит тебе надо отомстить... Наказать.

Я открыл было рот, но он меня перебил.

– И молчи лучше. Месть – это закон. Радуйся, что хоть по всем правилам судить станут. Наш лорд законы чтит. А ты это... доедай, – неожиданно закончил он.

Когда я протянул ему пустую миску, он поднялся медленно, словно ему вдруг стало тяжело двигаться. Ушел, не оглядываясь, опустив глаза. Я задумался над его словами.

Я убивал – это понятно. А вот зачем? Тоже... мстил? Или нет? За что вообще можно убивать? И надо ли убивать – за что-то?

Я не знал.

Я еще совсем ничего не знал.

И не хотел узнавать, если честно.

– Ну? – Морис присел рядом, положил между нами меч – мой меч. Я только раз посмотрел на него, и сразу вспомнил всё – и тяжесть клинка, и остроту лезвия, и узор рукояти, который чувствуешь, только сжимая её в ладони. Я протянул руку и погладил старые ножны.

Рука Мориса помимо воли легла на гарду его собственного меча. Я убрал ладонь с клинка и вздохнул.

– Я нашел в твоих вещах вот это. – Морис протянул мне какую-то коробочку. Я осторожно взял ее и ощутил тяжесть старого дерева. Внутри что-то брякнуло.

– Это аптека.

– Аптека?

– Там лежат мази, бинты, травы... Чтобы лечить.

– Лечить?

– Перевязывать раны, например.

Я кивнул.

– Я бы не обратил на нее внимания, но на ее крышке – знак монастыря Адлона. Ты был там?

– Знак... – Я перевернул коробку и увидел вырезанную на дереве ладонь. – Что это?

Морис ногтем постучал по крышке.

– Ты был в Адлоне? Помнишь, что это такое?

– Помню, – неожиданно для самого себя сказал я.

Сказал... и вспомнил.

Нет, не всё. Но перед глазами вдруг выросли крепкие бревенчатые дома, кольцо стены, охватывающее просторный двор. В центре двора – единственное каменное здание. Храм...

– Адлонский Храм Спасения... – Кажется, я сказал это вслух. Морис насторожился.

– Что ты помнишь об этом?

– Я?.. Почти ничего. Я там был.

– Что ты там делал?

Я помолчал, пытаюсь связать между собой обрывки воспоминаний.

– Я... Кажется, я там был... Меня лечили. После боя...

– Ясно. – Морис выглядел расстроенным. Я подумал, и сказал ещё:

– Там был один человек... Не воин. Он лечил. Он дал мне это. – Я протянул ему аптеку. Смешное слово... Но полезное.

Морис кивнул и встал. Он уже собирался уйти, но вдруг обернулся и спросил:

– А откуда у тебя это?

На землю передо мной упал кожаный мешочек. Я торопливо развязал тесемки, и мне на ладонь выпало множество маленьких кусочков дерева. На каждом был нарисован знак – не такой, как на шкатулке. Проще... и в то же время сложнее. Я провел кончиками пальцев по одной дощечке, и ощутил легкий толчок – словно коснулся чего-то живого.

– Это руны, – сказал я, не думая, что говорю. – Для гадания... Для того, чтобы видеть будущее.

– Я знаю, – спокойно кивнул Морис. – Но откуда они у тебя?

– Подарок.

– Чей?

Я почувствовал, что ужасно устал. Ссыпал руны обратно в мешочек. Отдавать их не хотелось, но вряд ли лорд позволит оставить их себе. Я протянул мешочек Морису и вздохнул.

– Я не помню.

– Почти приехали, – весело сказал Хорт, подходя к повозке. Я сел, устраиваясь поудобнее, и почувствовал, как отодвинулись от меня два воина рядом. Но я уже перестал обращать на них внимание.

– Вот за тем уступом – наша Грозовая Башня.

Я взгляделся в густеющие сумерки. Башня показалась из-за поворота неожиданно и сразу – вся. Она стояла на самом краю обрыва, и казалась какой-то... неполной. Должно было быть что-то ещё. Вскоре я понял – что.

Я увидел обломки стен, торчавшие из башни. Неровные края обрывались над пустотой ущелья. Разрушенные стены...

Память кольнула смутной догадкой, но я не успел уловить её – моё внимание вновь привлекла Грозовая Башня. Огромный каменный шпиль, стремящийся вверх... Мне показалось, я его уже где-то видел.

– Почему так назвали?

Хорт довольно погладил бороду. Я понял, что ему приятен мой интерес.

– Когда-то давно здесь стоял целый замок, – сказал он, подтверждая мою догадку. – А вместо обрыва и вот этой дороги – зеленый склон древней горы. Это было очень красиво.

Я хотел спросить, откуда он знает – ведь это было давно? – но решил не перебивать.

– Вышло так, что на замок напали. Защитники умирали один за другим, а врагов всё не убывало – они лезли со всех сторон, поднимаясь по этому склону. А внизу стоял лагерь их командира.

Поняв, что отбиться просто так не удастся, лорд башни поднялся на смотровую площадку – видишь, вон она, – и обратился к небу.

Он просил небо покарать врагов, прокляв их страшным проклятием. И тогда небо заволочло тучами, и – в землю ударила молния! Чудовищная молния – и попала прямо в замок. И такая в ней была сила, что весь склон, с частью замка откололся от горы и сполз вниз, погребая под собой почти всю вражескую армию.

Правда, той же молнией убило и лорда, но замок был спасен. Точнее, одна Башня. С тех пор над этим местом никогда не били молнии...

Я понял далеко не всё, но самое главное, как мне показалось, уловил.

– Проклял – это плохо.

Воин замолчал и отвернулся.

Кажется, он обиделся. Я хотел попросить его рассказать ещё что-нибудь, но не успел.

К нам подъехал Морис.

– Завтра мы будем в Башне, Айсарг, – сказал он мне. – Мои лекари осмотрят тебя, а послезавтра состоится суд. И будет принято решение о твоей судьбе – отпустить тебя в Гай-Хор или казнить.

Я промолчал – я всё ещё не понимал, почему Морис хочет меня убить. Или отправить в место, где никто не живет. Может быть, когда мы приедем, он всё-таки объяснит мне?

– Если ты помнишь своих богов, – сказал мне Хорт, – лучше молись им. Вдруг поможет?

– Молись... – растерянно повторил я.

– И будь поосторожнее. Если лорд решит, что ты просто морочил ему голову с этим своим беспамятством, он казнит тебя без всякого суда.

– Казнит...

Это словно ни о чем мне не говорило. Ни о чём хорошем, по крайней мере.

Мы остановились, когда солнце окончательно скрылось за горами, лишь на один миг выглянув из-под облаков. Я смотрел на догорающий закат, не отрывая глаз, – это было очень красиво.

Ничего более красивого я ещё не видел. Даже другие закаты не могли с ним сравниться. Он был похож на огромную рану, из которой по небу расплзалась кровь.

Когда закат отгорел, я улегся на землю, чувствуя, как зудят руки, охваченные веревкой. Кисти болели и ныли. Я повёл плечами, попытался хоть как-то размять руки – и удивлённо понял, что могу легко освободиться. Узлы оказались вовсе не такими крепкими. Я сел, по лицу скатились капли пота.

Значит, я могу прямо сейчас освободиться и уйти – и не будет никакого суда, никаких гор...

Я окинул взглядом сонный лагерь – только пара человек не спали, сидели у гаснущего костра. Впереди темнела громада Башни, а за спиной – огромная страна, куда можно уйти вот хоть прямо сейчас...

Я понял, что никуда не уйду. Наверное, я даже смогу добыть себе еду. Но все мои вещи – мой меч – у Мориса, а без них я не уйду. Да и куда мне идти? Я ничего не помню об этой огромной совершенно незнакомой стране.

Я лишь чуть ослабил путы, чтобы не так болели руки. Лёг обратно, уставился в звёздное небо над головой. По небу плыло огромное темное облако. Оно походило на толстую змею – всё тянулось, тянулось...

А утром мы увидели два рассвета. Один, как ему и полагалось, расцветал на востоке, за нашими спинами. Чистый, прозрачный рассвет... Второй разгорался на закате – мутный, багрово-красный, как спёкшаяся кровь, он коптил небо столбами дыма.

Я никак не мог понять, в чём дело, пока из своей палатки не вылетел уже одетый Морис, схватил под уздцы коня, приказывая всем седлать лошадей – плевать на лагерь, пусть всё остается здесь...

Только тогда я сообразил, что там, где рождался черный дым, вчера стояла такая же черная Грозовая Башня...

Обо мне все забыли – стало не до того. Я стоял на месте лагеря, среди брошенных вещей, глядя в спины стремительно удаляющемуся отряду. Я подумал, что там, возможно, будет бой, и я мог бы пригодиться... Хоть вряд ли Морис обрадуется такой помощи. Я заглянул в его палатку – меч и моя сумка лежали у стены, вместе с остальными вещами. Я забрал их и бегом кинулся вдогонку уехавшему отряду. Но, естественно, опоздал.

Люди Мориса бесцельно бродили по двору, не смея подняться в башню. С верхних этажей иногда сыпались искры и пепел, огонь там ещё не утих. Повсюду на земле лежали тела людей – мужчины, женщины, дети. Я задержался в воротах – раненый конь лежал на боку, скребя копытом почерневшую землю.

– Ты? – Удивленный возглас заставил меня обернуться. Морис стоял в дверях башни, сжимая в руке бесполезный меч.

– Я снял веревки и догнал вас. Мог быть бой... – Я замолчал, понимая, что он не нуждается в моих объяснениях. Вместо этого я спросил: – Живые остались?

– Нет, – коротко сказал Морис, отворачиваясь. Ко мне подошёл сильно постаревший за это утро Хорт.

– Ты это... иди себе. Если хочешь жить – иди.

– Куда? – растерялся я. Воин пожал плечами и пошёл прочь. Я не знал, как быть. Пошёл, косясь по сторонам, вокруг двора. Люди уже стаскивали в центр двора мёртвых – будут хоронить. Я старался им не мешать, ушёл в дальний угол – там возвышалась безобразной грудой какая-то обрушенная постройка. Возле неё суегились два воина. Я подошел к ним.

– Что там?

Они покосились на меня и не ответили. Но прогонять не стали. Я посмотрел, как они, краснея от натуги, пытались сдвинуть с места тяжеленное бревно, упёрся плечом рядом – помочь. С жутким грохотом кусок стены отвалился в сторону, и двор огласил испуганный вопль – под завалом были живые люди. Все тотчас сбежались к нам, оттолкнули меня в сторону – я пошёл дальше, слыша возню за спиной. Мне на глаза попался Морис – всклокоченный, бледный, с ошалевшими глазами.

Я торопливо убрался в сторону – попадаться под руку такому человеку не хотелось.

Дверь на кухню в Башне была сорвана. Я зашел в закопчённое, противно пахнущее помещение, огляделся. Здесь не было ничего интересного – обломки, обрывки, оплавленная посуда. Вернулся обратно, бесцельно кружа по двору.

Взгляд выхватывал до один, то другой брошенный предмет – разломанное ведро, чья-то отсечённая рука, сжимающая нож, обрывок кожи... Я наклонился, подбирая его, – кожа еще тлела, свернувшись от жара кольцом. Смахнул угольки, расправил на колене – и с удивлением обнаружил, что это кусок карты. Я вгляделся в выцветшие линии – и словно молния ударила в меня. Наверное, так чувствовала себя когда-то Грозная Башня.

Кусок меня самого откололся и с грохотом обрушился в пустоту – а в склоне открылся невидимый до того образ...

Я стиснул зубы, закрыл глаза – мир качнулся передо мной, земля ринулась из-под ног. Может быть, я упал. Не помню. Но под закрытыми веками земля действительно ринулась навстречу – чёрная от крови, запёкшаяся от невыносимого жара, раскалённая земля. Топот, крики, звон оружия – такие знакомые звуки. Чей-то хриплый выкрик прямо за спиной. Оглянуться бы – но тело стало непослушным, чужим. Я усилием воли заставил себя повернуться – и не увидел ничего, кроме крутых поросших травой холмов, слишком ровных и одинаковых, чтобы быть творением природы. Рука ощутила холод – я будто бы гладил твердый прохладный камень...

Что-то толкнуло меня, и я не удержался, упал на четвереньки. Раздался злой голос:

– Чего встал? Проваливай отсюда, выродок!

Я оглянулся. На меня, щуря светлые глаза, смотрел один из воинов Мориса. И я по прежнему стоял во дворе разоренной Башни. В голове гудело.

– Где лорд? – спросил я, поражаясь своему голосу – он охрип, рвал горло. Воин сплюнул на землю и, не ответив, пошёл дальше. Я огляделся. Морис шел ко мне широким уверенным шагом, на ходу вытаскивая из ножен меч.

– Ты, безродный убийца! – крикнул он мне, останавливаясь в трех шагах. – Пусть я потерял всё, но мой меч ещё при мне. И я убью тебя без всякого суда.

– Лучше дай мне коня и еды, – сказал я, сомневаясь, что он станет меня слушать. Морис хрипло рассмеялся.

– Может тебе еще и рыцарский доспех?

– Нет, – покачал головой я. – Только еды и коня. Или просто – еды. Я дойду и пешком.

– Дойдѣшь – куда, интересно знать? – подал голос кто-то из воинов. Морис сверкнул глазами в ту сторону, и голос осѣкся. Я пояснил:

– В Долину Курганов.

– Ку-уда? – глумливо морщась переспросил Морис.

Я повторил. Я не знал, зачем мне туда идти. Но чувствовал – надо. К лорду бочком подошел Хорт, хотел что-то сказать, но не успел и рта раскрыть.

– И ты думаешь, что я тебя отпущу? – рявкнул Морис. – Это из-за тебя нас покинула удача. Из-за тебя они захватили Башню. Ты проклят, Тьма тебя забери!

– Да, – спокойно согласился я. Странно, но я совсем не боялся, что он сейчас кинется на меня. То есть боялся, но совсем не за себя – я ведь смог как-то победить целый отряд, наверно, справлюсь и с ним. Удивительно, что он об этом забыл.

– Что ты сказал? – Глаза лорда налились кровью. Он шагнул было вперед, но Хорт ухватил его за рукав. Лорд дёрнул локтем, попал воину по лицу – у того из носа хлынула кровь. Он зашипел, рывком заставил Мориса развернуться.

– Сдурел? – заорал он на лорда. Я даже поразился – кто посмеет перечить господину? Но Хорт, кажется, тоже его не боялся. – Парень не виноват! Да, с ним что-то не так – но он не при чём, не он жѣг Башню!

– Плевать! – прорычал Морис. – Он убил моих людей!

– Он убивал наших врагов!

– И что? – Лорд снова дёрнул рукой. – Отпусти!

– Дурак! – выругал его Хорт. – Законченный идиот! Ты что, не понимаешь – не тебе и не мне решать его судьбу! Или ты хочешь закончить, как тот отряд?

Я молча наблюдал за ними, не зная, что делать. Убедать? Догонят ведь. И уж точно разговаривать не станут. Нападать первым я не собирался. Что-то говорить... Что?

Морис задумчиво посмотрел на своего воина, перевёл взгляд на меня. Его глаза уже прояснились, он тяжело дышал, меч в руке мелко подрагивал.

– Куда, ты сказал, хочешь идти?

– В Долину Курганов.

– Но это же... за Сальванором?

– Наверное. Я не знаю.

– Зачем тебе туда?

Я пожал плечами – я и сам не знал. Ответил честно:

– Мне туда надо. Может быть, когда я дойду, пойму – зачем.

Он помолчал, неверной рукой сунул меч в ножны.

– И ты собираешься идти один? Через страну врагов?

– Наверное.

Он повернулся ко мне спиной, окинул взглядом своих людей – воины стояли молча, опустив головы, сжимая в руках оружие. Его люди... Я тихонько вздохнул. Каково это – быть чьим-то человеком? Чувствовать связь с кем-то в этом мире. Я покосился на свой меч – у меня была одна связь...

– Слушайте все! – громко, уверенно сказал Морис. – Я иду с этим человеком. Иду не помогать ему, но мстить за наших людей. Кто хочет, может пойти со мной. Я никого не держу, никому не приказываю. Но назад дороги не будет.

Над толпой пронёсся удивлённо-возмущённый шёпот. Первым высказался Хорт.

– Я иду с тобой, господин.

Воины разделились – кто-то желал остаться и привести башню в порядок, кто-то – искать удачи в другом месте. С нами собралось человек десять. Я не знал, радоваться ли, – я думал, что пойду один. И не хотелось думать, что будет, встретить мы хоть один вражеский отряд...

– Что ты вспомнил? – тихо спросил меня Морис, когда мы стояли у погребального костра – для стольких мертвецов копать могилы было бы невозможно. Я пожал плечами.

– Почти ничего. Но я там был. Там было что-то важное.

– Тебя проклинали там?

– Нет, наверное... Мне кажется, что это – не моё проклятие.

– Как так? – покосился на меня он.

Я мог только снова пожать плечами. Да и вообще говорить сейчас не хотелось. Я чувствовал, что видел всё это – огромный костер, мрачные лица людей, даже чьи-то слёзы – не в первый раз. И, боюсь, не в последний...

II

Да, я видел это всё не в первый раз. И, надеюсь, что в последний.

Многое, увиденное мной тогда, казалось мне невозможным. И то, что мы сделали тогда, было просто невозможно. Мы прошли. Прошли через страну, полную врагов, опасностей и смерти. Эта костлявая стерва повсюду тащилась за нами, задевая подолом наши головы. И каждый раз, приходя в себя после очередного боя, я понимал – нас всё меньше. И всё, на что я надеялся тогда – что не я стал тому причиной. Мне снились сны о боях – пройденных и грядущих, и я не мог отличить одно от другого, как не мог отличить своих и чужих во время схватки. Они все были мне чужие, все были враги, и я остался один в этой стране, без своей некогда великой армии...

– Какой ещё армии? – мрачно спрашивал Морис, когда я начинал размышлять вслух. Это была дурная привычка. Наверное, я походил на

сумасшедшего, говорящего с самим собой. Но Морис хватался за обрывки моих фраз, словно они могли спасти ему жизнь.

– У тебя была армия? – спрашивал он. Я лишь качал головой.

– Нет, я не помню...

Я лгал.

Армия была.

Всё в моей голове спуталось. Иногда я мыслил на удивление ясно, хотя не мог вспомнить собственного имени. Иногда вспоминал то, что просто не могло со мной произойти. И всё чаще мне казалось, что я – это не я. Кто-то другой – древний и сильный. Полководец без вести пропавшей армии, такой же прославленной и великой, как я когда-то...

Вскоре Морис перестал меня расспрашивать. Даже разговаривать со мной почти перестал. Ему больше не было нужды рассказывать, кто я и куда иду. Эта мысль, мысль о моей цели, вспыхивала ярко в моей голове, как только я приходил в себя.

Я ни разу не терял направление, мне не нужна стала карта. Чем ближе мы подходили к северному побережью, тем чаще я узнавал страну вокруг. Здесь она почти не изменилась. Я понимал, что Морис доверяет мне всё меньше. Мне на это было наплевать – ведь я почти дошел. Вот только, зачем я туда иду – оставалось для меня тайной.

Мы уже почти достигли северной границы Сальванора, которую я почему-то называл Страной Вампиров, когда нас осталось двое. Я и лорд Морис. Нам некогда было хоронить своих спутников, но для Хорта мы устроили настоящую тризну. Я смотрел на его тело, завёрнутое в плащ, горевшее в погребальном огне. И молился, сам не зная – кому, молился никогда больше этого не увидеть... Мы даже не смогли как следует проводить его. Лишь оружие, с которым он сюда пришел, – вот и все подарки, которые он понесёт в свой загробный мир.

– Нам нужно уходить, – сказал Морис, когда пламя разрослось, скрывая от нас мертвое тело старика. Я не спорил – мы всё-таки были слишком близко к врагам, нам нужно было спешить. И мы оставили Хорта одного.

Мы шли дальше, и с каждым шагом я понимал, сколь невероятно то, что мы сделали. Мы прошли. И достигли Долины Курганов.

– И что дальше? – сухо спросил Морис, оглядывая холмы – слишком ровные и одинаковые, чтобы быть творением природы. Никто, кроме меня, теперь уже не знал, кто похоронен в этой земле. Да и я вспоминал их имена с трудом. Но они должны быть где-то здесь. Они все...

Я увидел Камень. Он стоял по левую руку от нас, чёрный и казавшийся огромным даже с такого расстояния. Я направился к нему, надеясь, что хоть там получу ответы на свой вопрос – зачем. Зачем я здесь?

Морис молча шёл следом. Наверное, он и сам уже не понимал, зачем идет со мной. Я не оглядывался, но прекрасно знал, как он выглядит сейчас. Светлые волосы поседели, лицо изрезали сотни морщинок, он постарел на годы за эти два месяца. Яркие глаза потускнели, они внимательно и настороженно смотрят то на меня, то на оплывшие от времени курганы.

Он не стал подходить к Камню близко. Я бы и сам не решился, если бы не уверенность, что это необходимо сделать. Я стоял перед Камнем, лаская глазами каждую трещинку, каждую буковку, выбитую рукой неведомого мастера. Тысячи, сотни тысяч имен были начертаны здесь. Иногда эти имена казались мне совершенно чужими. Иногда мое сердце останавливалось от тоски по ним...

– Моя армия... – прошептал я. Морис сразу насторожился.

– Что?

– Здесь вся моя армия, – ответил я. – Я должен был лежать там, среди них. – Я указал рукой на холмы. Лорд нахмурился.

– Я не знаю, что здесь произошло. Но этим курганам не меньше тысячи лет...

– Больше, – кивнул я. – Намного больше.

Он промолчал. Мы постояли еще немного. Солнце уже коснулось вершин дальних холмов, когда он нарушил тишину.

– И что теперь?

– Подождём.

– Здесь?

– Нет, отойдём. Им огонь ни к чему.

Мы вернулись на самую границу Долины, разожгли костер. Морис извлёк фляжку с вином, бережно хранимую последние недели. Мы молча выпили, поминая павших. Я мог вспомнить только Хорта. Потом я забрал флягу. Вино могло мне пригодиться.

Морис не выдержал первым.

– И зачем мы здесь?

Я покачал головой.

– Не знаю.

– Что ты помнишь?

– Ничего.

– Что ты знаешь об этом месте?

– Ничего! Ничего я не знаю! – Я уронил голову на руки, чувствуя, что задыхаюсь. Я солгал. Каждую секунду я вспоминал их. Людей, города, крепости, сражения, тёмные подвалы и коридоры, монастыри и их служителей, сады и поля... Это всё было здесь. Было так давно, что даже Камень почти не помнит. Да его и не было тогда, не было этих курганов... Они могли запомнить только смерть этой страны...

– Наверное, стоило оставить тебя в Гай-Хор, – негромко проворчал Морис. Я вздрогнул.

– Но ведь я не сумасшедший!

– Да? – Он напрягся. – А что мне остается думать? Мне стоило отправить тебя туда... и отправиться самому. Видно, я тоже сошел с ума, раз пошел за тобой. Ты колдун, и своим колдовством заставил меня идти, ведь так? И, мало того – я повел на верную смерть десятки своих людей!

– Они пошли сами.

– Они пошли за мной!

– Ты дал им выбор.

– А ты не дал его мне, – Морис скрипнул зубами. – Ты колдун?

– Я им был... – Я ответил, сам не понимая, что говорю. Кто-то другой, словно овладевший моим телом, говорил за меня. Я не мог противиться. – Я им был. Я был колдуном, и я за это уже заплатился. Теперь я – лишь слабый человек, лишенный даже своей памяти.

– Я тебе не верю. – Морис схватил из костра горящую ветку и сжал её в ладони. Он и раньше делал так, не в силах успокоиться, смирить злость. Я молча смотрел на его ладонь, от которой поднимался дымок и облачко пепла.

– И что ты теперь будешь делать? – наконец спросил он. Я мог только пожать плечами. Я и сам не знал.

– Подождём темноты. – Я оглянулся на солнце. Ждать оставалось недолго. Морис кивнул.

– Я буду нужен тебе?

– Нет. – Я покачал головой. – Дальше тебе идти не стоит. Если я не вернусь до утра, просто уходи.

– Куда мне теперь идти? – невесело усмехнулся он. – Назад, в Сальванор?

– Если обойти Долину с западной стороны, ты окажешься у края тех гор. – Я указал рукой на северо-запад. – Там есть проход. Хараллийские горы не доходят до самого моря. Но там никто не живет. Ты выйдешь прямо к Адлонскому Ковену. Маги тебе помогут.

Морис смотрел на меня, как на бредившего безумца.

– Айсарг, Адланский Ковен не существует уже три сотни лет!

Я пожал плечами.

– Но Адлон-то остался на месте.

Он только кивнул. Мы снова молчали, думая каждый о своём. Я думал о людях, которые ждали меня в Долине. Они ведь ждали, звали меня – я уже почти слышал их призрачные голоса...

Темнота обрушилась внезапно, словно солнце вдруг сорвалось за горизонт. Морис вздрогнул и повалился набок, теряя сознание. Я не стал беспокоиться о нём – я уже видел, кто шёл ко мне.

Трое людей шли ко мне от Камня. Впереди шёл высокий совершенно седой мужчина в богатой одежде. По правую руку шёл юноша в тяжелом доспехе, с лицом, изуродованном шрамом на лбу. По другую руку –

женщина в просторных синих одеждах. Я узнал в ней мага. Почему Морис сказал, что магов уже не существует?

Я вздрогнул. Морис? Кто это? Уж не тот ли человек, что минуту назад сидел у моего костра, а сейчас ушёл... куда? Где он? Я огляделся, пытаюсь найти этого незнакомца – но его не было. Я поднялся навстречу подошедшим.

– Все готово, господин, – с почтением произнёс старик. Женщина и молодой воин молча поклонились. Я кивнул и обернулся к костру. Да, я уже почти закончил обряд. Знаки начертаны вокруг огня в нужном порядке. Хотя нет, вот этот нужно поменять – не атака, но защита. Ведь сегодня впервые мне предстоит защищать, а не нападать. Я исправил знак и огляделся в поисках ритуального вина. Бутыли нигде не было. Неужели тот человек украл его? Да нет, не может быть... Но где же оно?

Я склонился к своим вещам. Рядом с доспехом лежала старая, потертая фляга. В ней было вино. Подойдет.

Я вылил напиток в огонь, читая заговор.

Трое моих помощников ждали в стороне. Когда я закончил, они помогли мне облачиться в доспех и подвели коня. Я похлопал жеребца по морде и поднялся в седло. Всё было готово. Мои спутники шли чуть впереди, предупреждая мое появление.

Долина была заполнена людьми. Моя армия...

Завидев меня, они разом ударили мечами в щиты, готовые выступить. Завтра на рассвете начнется бой. Огни вражеского лагеря были видны отсюда – тысячи огней. Вампиры, будь проклят их род... Впрочем, он и так уже проклят.

Я приветствовал свои войска. И вдруг увидел, как среди воинов пробирается невооружённый человек в чёрном балахоне. Он быстро подошёл ко мне и, чуть склонив голову, произнёс:

– Отдай мне то, что забрал у меня, и я избавлю тебя от этого боя.

Я склонился в седле, собираясь поставить наглеца на место.

Но он вскинул голову, и я встретил его глаза – глубокие синие глаза, которые могли принадлежать... только мне.

Он обхватил ладонями мою голову, и я понял, что шлема больше на мне нет. Тонкие пальцы с длинными острыми ногтями впились мне в кожу. Я зашипел от боли, ощущая, как меня просто вырывают из этого тела. А потом была лишь боль – боль и страх, и я плакал от этой боли, сжимаясь в дрожащий комочек, испуганный и измученный, не понимающий, что происходит... А потом хватка тонких пальцев ослабла и ледяной огонь обжег мое лицо.

Я открыл глаза, пытаюсь понять, что происходит.

И понял, что я проиграл этот бой. И я был этому рад.

– Очнулся? – Бледное пятно лица склонилось надо мной. Я чувствовал, как что-то влажное и холодное касалось моего лица и шеи.

Шевелиться не хотелось. Незнакомец, седой человек с бледными голубыми глазами, снова заговорил, но я плохо понимал смысл его слов.

– Что там произошло?

– Я... не знаю. – Эти слова были мне непонятны, но произносились сами. Человек нахмурился.

– Что случилось?

Я пожал плечами. Это движение получилось само, я не успел его отследить.

Человек отстранился, внимательно разглядывая меня.

– Где твоя серьга?

– Что?

Он только махнул рукой. Я так и не понял, чего он от меня хотел. Пока я оглядывался, тщетно пытаюсь понять, где я и что происходит, человек собрал какие-то вещи и, сунув мне в руки мешок и странный, вытянутый и тяжелый предмет, сказал:

– Ладно. Идем, по пути я тебе всё расскажу. Что смогу.

Я снова пожал плечами – пока только это движение было мне знакомо. Я встал и, прихрамывая на каждом шагу, пошёл вслед за седым незнакомцем. По пути я ощупывал себя, пытаюсь хоть что-то вспомнить. Но лишь когда я коснулся своего уха и обнаружил в нем маленькую дырочку, я вдруг ясно услышал:

– ...Я избавлю тебя от этого боя.

Но почему-то я был уверен, что эти слова были сказаны вовсе не мне.

Я догнал своего провожатого и зашагал рядом с ним, а он начал рассказывать о вещах, пока мне совершенно не понятных...

Медальон

Центр

Кровь растекалась по утопанной мёрзлой земле. Та, уже окаменевшая от холода и другой – вражеской – крови, не могла принять очередного подношения.

Совсем рядом зашевелился кто-то... Свой? Враг?

Закатный свет озарил бледное лицо, дрожащие прокушенные губы.

Привычно дернулось правое плечо. Но руки там не было – она валялась, отрубленная, где-то неподалеку.

Левой рукой Хага дотянулся до кинжала – лезвие иззубрилось, кончик совсем отломился, но этого хватит.

– Положи нож... – прохрипел тот, другой.

Кроме них, кажется, уже никого не было.

– Положи нож. Я и так умру... – тяжело, хрипло дыша повторил враг.

Хага опустил руку, облизал растрескавшиеся губы. Ему сейчас хотелось только пить... Холодной воды, от которой ломит зубы, воды из узкого чистого ручейка, весело бежавшего между камней по дну ущелья.

– Ещё кто-нибудь... остался? – едва слышно спросил он. Но враг, кажется, понял.

Подполз ближе, уперся головой в твёрдую землю.

– Нет...

Хага увидел кровь у него на подбородке.

Интересно, кто из них умрёт первым?

– Это ты меня... рубанул... – сказал неожиданно враг.

Хага его не узнал – для него они все были на одно лицо. Из последних сил он поднял руку и сдёрнул с шеи маленький потемневший медальон.

– Держи... – Вложил его в руку врагу.

– Мне уже незачем...

Хага не ответил – сил больше не было. Он закрыл глаза, чувствуя только холодный твердый камень под спиной. Враг тоже не издавал никаких звуков. Может, уже умер...

Он всё-таки открыл глаза. Между мёртвыми телами ходило несколько человек. Искали живых... Он ещё жив. А толку-то?

Его, кажется, заметили.

Он попытался пошевелиться – не вышло. Скосил глаза – совсем рядом, касаясь его плеча остывшей рукой, сидел тот воин. Рам увидел собственную руку. В ней лежал подаренный врагом медальон.

Люди подбежали к нему, но он уже не чувствовал ничего. Взгляд стекленеющих глаз застыл на тонкой цепочке, свисающей между сжатых в кулак пальцев. Их так и не сумели разжать, даже когда пришло время сжигать тела – копать могилу, как подобало, возможности не было.

Никто так и не узнал, что за украшение отдал ему чужак...

Круг первый

Было прохладно и сыро. Осень уже вторглась в эти земли, хозяйски переиначивая всё под себя. Листья шуршали под копытами коня, тихо бряцали стремена, ножи на поясе, пряжки на седельных сумках.

Стив оглянулся, остановил лошадь, дожидаясь спутника. Тот ехал медленно, с любопытством глядя по сторонам. Он, житель вечнозеленых южных лесов, видел в осени очередное чудо.

– С коня не свались, – предостерег его Стив.

Парнишка тут же выпрямился, сделал строгое лицо. Но глаза светились радостным любопытством.

– Здесь так красиво... И почему некоторые люди не любят осень?

– Потому, что за ней приходит зима, – ответил Стив. Он смотрел на гибкое, молодое тело спутника, на его сильные руки, на светящееся от счастья лицо. И его душу начинала грызть зависть.

Нет, он отнюдь не был стар. И его руки были много сильнее. Но надолго ли? Пройдет пять, десять лет – и он превратится в немощного старика, у которого только и останется, что воспоминания и старые раны. Они будут ныть по ночам, не давая уснуть, напоминая о событиях, которые не захочется вспоминать.

Стив когда-то мечтал умереть молодым и красивым. Пасть в легендарном сражении, за великого вождя, с боевым кличем на устах... Чтобы потом о нём рассказывали у очагов и слагали песни...

Он был уже давно не молод, а его красивое когда-то лицо уродовали жестокие шрамы и ожоги. И о нём никогда не вспомнят, рассказывая у огня о славных битвах.

– Давай остановимся в том трактире, – предложил он. – Эй, Вик, ты как?

Парень рассеянно кивнул, но тут же спохватился:

– Ещё далеко до вечера.

– Я устал.

Вик недоверчиво посмотрел на него. Он видит в нем, Стиве, учителя и наставника, мудрого и сильного. Он не понимает ещё, как это – просто устать.

В трактире было пусто – только сидели несколько крестьян, да какой-то хмурый тип в углу. При нем были меч и арбалет. Стив встретился с ним глазами, и они безмолвно поприветствовали друг друга.

Наёмник.

Такой же, как они с Виком.

Лицо незнакомца пересекал тонкий почти заживший шрам. Многодневная щетина и тень от капюшона не давали определить возраст. Но он явно был моложе. Стив вздохнул.

К вечеру таверна наполнилась людьми – крестьяне и путешественники, несколько наёмников. Потом шумно ввалился сразу отряд вооружённых людей. Они расселись на скамьях, отложив мечи в сторону. Только их предводитель – высокий грузный мужчина лет тридцати пяти привычно держал руку на эфесе своей сабли.

Наёмники? – подумал Стив. – Разбойники?

Сейчас сложно было отличить одно от другого – такие уж настали времена.

Новый король, благоволивший всевозможным баронам и графам, разжиревшим за счёт своих подданных, довёл народ до того, что даже женщины и дети порой брали оружие и выходили на Дорогу.

Когда снаружи совсем стемнело, а зашедший с холода народ отогрелся и повеселел, откуда-то вынырнули две женщины. Одна – уже старая, седая цыганка – бродила между столиков, предлагая погадать.

Вторая, молодая, устроилась у очага с каким-то инструментом в руках и начала играть. Струны под её руками пели то тихо и спокойно, то

властно и гордо. Потом девушка начала петь. У нее был красивый, сильный голос.

Она пела о какой-то битве и каких-то героях...

– Э, малышка! – сказал сидевший неподалеку наёмник. – Не тебе петь такие песни. Ты подыграй, я спою.

Девушка неуверенно покосилась на гадалку. Та кивнула и снова пошла по залу. Девушка попробовала незнакомую мелодию, напетую наёмником, потом заиграла уверенно. Вопросительно посмотрела на мужика.

Тот кивнул:

– Сойдет.

И запел.

Голос у него тоже был хороший.

Стив помимо воли прислушался...

Последний бой у старой цитадели,
У башни, что нависла над обрывом,
Собрались все, кто в битве уцелели,
И попрощались молча, торопливо...

Сердце дрогнуло, предчувствуя продолжение...

И на краю, спиной упёршись в небо,
Плечом к плечу мы в строй последний встали.
И друг за другом уходили в небыль,
Неся кровавый росчерк острой стали...

Стив замер на месте, боясь пошевелиться. Ладони вспотели, предательски дрогнули веки. Хорошо, Вик отвернулся от него, смотрит во все глаза на певца, слушает... Стив тоже слушал. И знал наперед каждое слово. Он это всё уже знает. Он там почти был...

С трудом ещё в свою победу веря,
Враги идут, безмолвные, как тени.
И я, с усмешкой загнанного зверя
Отбросил щит на стертые ступени...

Он был там. Он не просто видел это всё. Он сражался, чувствуя рядом плечи друзей и братьев. А потом – пустоту. Дрался с отчаянием, с яростью обречённого. Прижимаясь спиной к холодной стене башни, он рубил и колол, не замечая собственных ран. Врагов он не считал. Всё равно, их было больше.

Он пал одним из последних. Долго, мучительно долго умирал, оставшись совсем один. Ни друзей, ни врагов. Или кто-то всё-таки выжил?

Он чувствовал, как вытекает из ран уже медлительная, остывающая кровь. Как замирает надсаженное сердце... И просыпался.

Какая ж мне нужна еще награда?
И когда жизнь уйдёт в последнем стоне,
Я упаду красиво, как в балладах,
Сжав рукояти в стынущих ладонях...

Певец замолчал, смолкла музыка. Вик с блестящими от восхищения глазами повернулся к наставнику:

– Здорово, да, Стив? Стив?

Но тот не слушал мальчишку. Не отрывая глаз от наёмника, он встал, пошёл, переступая через скамьи, к очагу.

– О чем эта песня? – спросил он, усаживаясь рядом. – Что это был за бой?

– Цитадель Иоганна Верного, – пожал плечами наёмник. – Неужели не слышал?

– Нет. Я с юга, там об этом ничего не знают.

– Они все тогда погибли. Семь месяцев держали осаду. Даже когда узнали, что король сложил меч и покорился завоевателям. Потом, когда совсем закончились запасы, решили выйти и встретить врага, как подобает. Их было намного меньше. Но тогда не уцелел никто.

– Откуда тогда известно, каким был бой? Песню ведь кто-то сложил.

Наёмник пожал плечами.

– Песню сложили совсем другие люди.

– Но ведь всё было именно так?

– С чего ты взял? – усмехнулся тот.

– Я знаю. Кто сложил эту песню?

– Хага Бард.

Оба наёмника уставились на девушку.

– Ты-то откуда знаешь?

– Я много путешествую, – скромно ответила та.

– Может ты ещё и знаешь, кто он был, этот Хага?

– Знаю, – спокойно ответила девушка. – Он был одним из самых известных разбойников. Со своим отрядом он держал все северные земли. Его побаивался даже король. Говорят, он был непобедим.

– Это не помешало ему кончить жизнь на эшафоте! – усмехнулся наёмник. И протянул Стиву широкую, мозолистую руку: – Барга.

– Стив. – Они обменялись рукопожатиями.

– Это все глупости! – заявила вдруг девушка. – Король казнил вовсе не Барда. Просто похожего, скорее всего ни в чем не повинного человека.

– Да-а? – протянул Барга. – Но тогда где же Хага?

– Он умер. Но совсем не так, как все думают.

Его поймали в Лисьем ущелье. Их было немало – разбойников Хаги. Это были отчаянные, умелые бойцы – Бард выбирал только лучших. Но

солдат короля было в четверо больше. Они заперли Хагу в ущелье, и почти месяц не могли подобраться к ним вплотную и перебить. Но когда положение разбойников стало безвыходным, они совершили отчаянный шаг – собрали последние силы и вышли навстречу. Их перебили до последнего человека. Хага пал последним. Он дрался, как зверь. Но он все-таки упал.

– Ты так говоришь, будто была там.

– Нет, – улыбнулась девушка. – Но там был мой отец. Он видел всё. Он добивал Барда. Они боялись его даже мёртвого. Сожгли тело и уехали. А королю подсунили кого-то похожего – им ведь велели доставить Хагу живым. А это было невозможно.

– Не знаю, – покачал головой Барга. – Может, твой отец просто придумал эту красивую сказку.

– Это не сказка! – обиженно заявила девушка.

– Я всё равно тебе не верю.

– А я верю, – задумчиво сказал Стив. – Его тоже звали Хага.

– Тоже? – не поняли наёмник и девушка.

– Неважно. – И он обратился к певице. – Спой что-нибудь ещё?

Ночевать им пришлось в конюшне – денег почти не было.

Вик моментально уснул, сунув под щеку кулак и что-то тихонько бормоча во сне.

Стив уснуть не мог. Сидел, прислонившись спиной к столбу, смотрел в приоткрытый дверной проем.

Неожиданно он заметил мелькнувшую во дворе тень. Тихо поднялся, осторожно, бесшумно подошел к выходу.

– Это я, – раздался из темноты женский голос. Стив с удивлением увидел девушку, игравшую вечером.

– Что ты здесь делаешь?

Вместо ответа девушка сказала:

– Я знаю, почему ты поверил мне... Хага.

Стив вздрогнул. Посмотрел на девушку, усмехнулся.

– Меня зовут не так.

– Но ты – это он. Хага Бард – и тот, из цитадели... Отец рассказывал – когда они добивали Барда, разбойник смеялся. А потом он сказал им – зря стараетесь, я все равно не умру. Поэтому они сожгли тело. Не рискнули даже обыскать.

Стив промолчал. Взяв девушку за руку, он провел ее в дальний конец конюшни, усадил на разостланный плащ. Покосился на Вика – парень мирно спал.

– Отец говорил, что у Барда был на шее медальон. Старый такой, почти чёрный от времени. Когда сжигали тело, медальон вывалился из-за ворота и он успел его разглядеть.

Тонкая рука девушки скользнула по груди Стива, провела по шее, нащупывая тонкую цепочку.

– Он выглядел вот так...

У неё на ладони лежал небольшой металлический диск, украшенный затайливым узором. Металл был тёмный и тёплый.

– Это он. В нем хранится душа Хаги.

Стив, не отрываясь смотревший в глаза девушки, снова почувствовал легкое прикосновение к груди – она спрятала медальон обратно. Положила на него ладонь поверх рубашки.

– Твоя душа – это ИХ душа.

– Как тебя зовут? – после паузы спросил Стив.

– Марта.

– Зачем ты мне всё это рассказала, Марта?

– Чтобы ты не боялся смерти. Она над тобой не властна. Твоя душа здесь. – Она постучала пальцем по медальону. – И там она бессмертна.

– Я не боюсь смерти.

– Все боятся. – Девушка взглянулась в его лицо, будто ища там что-то.

– Ты боишься смерти. Боишься, что она придет слишком поздно. Что ты успеешь познать слабость и беспомощность. Не бойся. Она придет за тобой раньше.

Некоторое время они молча смотрели друг другу в глаза. Неожиданно девушка подалась вперед – так близко, что он почувствовал ее дыхание на своих губах.

– А ещё, – совсем тихо сказала она, – ты боишься одинокой смерти. Не бойся. Ты умрешь не один. Рядом с тобой умрут многие...

Он не выдержал.

Он поцеловал ее...

Он ощутил, как ее тонкие холодные ладони скользнули по его груди.

Руки сами притянули девушку, прижали, ощущая упругое, молодое, горячее... давно забытое женское тело.

Их было много. Они стояли посреди дороги, закрывая собой садящееся солнце. У каждого в руке было по мечу. Но, кажется, они боялись. Сами не знали – чего.

Напротив них стояли трое. Барга уговорил-таки Стива поехать вместе. И что теперь?

Стив сделал шаг вперед. Он не удивился, когда справа от него, закусив губу, встал Вик. Мальчишка казался спокойным и уверенным, его выдавала только закусенная губа. Стив не стал его прогонять. Всё равно не послушается.

Слева замер Барга. Ему-то что до чужой драки?

– Ну, здравствуй, Палёный! – усмехнулся главарь, выходя впереди своих людей. – Не ожидал? Думал, если атаман мертв, некому будет отомстить? Долго же мы за тобой гонялись, Палёный...

Стив промолчал. О чём тут говорить? Всё правильно... Кроме мальчишки и наёмника по бокам. Им тут делать нечего.

– Эти двое, – главарь мотнул головой, – могут уехать. Мы их не тронем, они ведь тут не причём. Езжайте.

Никто не двинулся с места.

– Ну, как хотите, – усмехнулся главарь и медленно, с удовольствием, вытащил меч из ножен.

Стив покосился на обочину. В тени деревьев, недостижимая для закатных лучей, стояла тёмная размытая фигура.

Привет, старушка, – подумал Стив. – Ты и правда пришла раньше. Ну что, очередное свидание, милая?

И рубанул мечом, встречая первого из врагов...

Круг второй

– Да нет же! Не так, не так! – Лоренцо выхватил меч из рук ученика и, встав рядом, показал, как надо двигаться.

– Запомнил? – Юноша кивнул, но на всякий случай Лоренцо повторил удар.

– Теперь ты.

Он отошел в сторону, наблюдая за учеником, но тут заметил человека, входившего через арку во внутренний двор. Этот человек был знаком Лоренцо.

– Потренируйся пока, – велел он юноше. – Вернусь, проверю.

И пошел, прихрамывая на левую ногу.

– Приветствую тебя, – почтительно склонился гость. – Рад видеть тебя в здравии и благополучии.

Он улыбался почтительно, уважительно, но в глазах его читалась издёвка.

– Зачем пришёл? – нахмурился Лоренцо.

– Его высочество де Льеро просил меня поговорить с тобой, – всё с тем же фальшивым почтением ответил гость.

Лоренцо нахмурился. Что они ещё задумали, этот старый козел де Льеро и молодой прохвост Маури시오?

– Идём в дом, – наконец кивнул он. И захромал обратно через арку – в парадный двор, украшенный цветущими кустами и мраморными статуями. Ему, старому вояке, вся эта роскошь была не нужна. Но школа должна соответствовать своему положению.

В тихом пахнущем пылью и чернилами кабинете было светло и уютно. Маури시오 без приглашения сел в мягкое кресло с резными подлокотниками, выжидающе посмотрел на хозяина.

– Вина?

– Не откажусь, – кивнул он.

– И что же за дело привело тебя ко мне? – спросил Лоренцо, ставя перед гостем бокал.

– Ты ведь знаешь, что у короля некоторые проблемы... ммм... с безопасностью.

Лоренцо кивнул.

– Несколько неудавшихся покушений, два заговора, одиннадцать попыток отравления за год.

– Кто-то явно хочет успокоить старика навсегда.

Лоренцо нахмурился. Он тоже не во всём соглашался с нынешним правителем, но всё-таки он – король, стоит проявить к нему побольше уважения.

– И что же ты хочешь от меня?

– Хочу, чтобы ты присмотрел за ним.

Старик скривился.

– Не говори глупостей. Меня ни за что не допустят к королю. После той истории с его отцом... Меня давно отстранили от всех дел. И знаешь что? – Он наклонился к Маурисио через стол. – Мне нравится такая жизнь. Оставьте меня в покое.

– Ты не понимаешь, о чем идет речь! – Маурисио все-таки был слишком молод, чтобы держать себя в руках.

– Так объясни.

– С севера на нас надвигаются алерийцы. Их король, Фридрих, молод и амбициозен. Ему хватит сил, чтобы подчинить себе всю страну.

– Не хватит, – спокойно ответил Лоренцо. – Эдуард – талантливый полководец, прирожденный тактик и стратег. Он сможет уберечь нас.

– Его не любят при дворе, – возразил Маурисио. – Если сменится власть, его, как и тебя, отправят на заслуженную пенсию со всеми почестями. А на его место встанет этот толстый дурак, Просперо. Думаешь, он станет заботиться о стране, когда в его руках окажется вся армия?

Лоренцо промолчал.

– Недоброжелатели короля давно известны. Но никак не удастся поймать их за руку. Поэтому королю нужен хороший защитник. Лучший.

Старик пропустил этот комплимент мимо ушей. Он и так знает, что был лучшим. Но в том-то и дело, что был.

– Из меня плохой интриган.

Маурисио покачал головой.

– Значит ты отказываешься?

– Да.

– Уверен?

Лоренцо вздохнул.

– Не спрашивай. Я уверен, что хочу закончить свою жизнь в этом доме, в этой самой комнате. У меня есть талантливый ученик, я оставлю школу ему. Я уже стар, с меня нет никого толку. Иди, Маурисио. И не тревожь меня больше.

Маурисио внимательно посмотрел на него, будто ожидая, что старик передумает. Снова покачал головой и со вздохом поднялся.

– Очень жаль, что Страж умер. Очень жаль...

Лоренцо проследил из окна, как Маурисио покинул его двор. Молодой мужчина остановился в воротах, бросив взгляд на окна кабинета. Отвернулся и пошел прочь.

Старик дрожащей рукой задернул шторы.

Он не мог объяснить гостю, что отказался отнюдь не из-за возраста. Нет, он, конечно, давно не мальчик, у него уже взрослая дочь...

Он представил себе улыбающееся лицо Анны. Он любил её больше всего. И с легкостью дал согласие на их с Антонио свадьбу. Антонио – его любимый ученик. Небогатый, простой, но очень старательный, разумный. Он сможет сделать так, чтобы школа процветала. Он сможет сделать Анну счастливой.

Осенью девушка возвращается от тётки, куда её по традиции отправили учиться. Осенью – это всего через полгода. Они сыграют свадьбу. Потом у него будут внуки...

Лоренцо встал.

Он отказался вовсе не из-за дочери. Он свою жизнь прожил и ни о чем не жалел. Почти ни о чем.

Мягко отъехала в сторону картина, открывая тайник. В небольшой нише лежала старая деревянная шкатулка. Лоренцо давно уже ее не доставал.

– Всё, как ты хотел, отец, – тихо сказал старик.

И уверенно открыл шкатулку. На мягком пыльном бархате лежал небольшой круглый медальон.

– Но, прости, я послушаюсь тебя, отец...

Отец Лоренцо – Кристиан Фелани – был приближённым короля. Того, старого короля. Он умер, до последнего защищая своего господина. Он не хотел для сына такой же судьбы. А сын, успевший ещё ухватить край его жизни, слушал тихие наставления умирающего отца.

Тогда-то мальчишка Лоренцо поклялся никогда не вставать между королем и его врагами. Он хотел жить и боялся смерти. Он был молод и глуп. Отец был рад такому решению.

– Я уже не молод, отец. Но, наверно, так же глуп... – шептал старик, надевая медальон на шею. – Видимо, время пришло. Какая, в конце концов, разница, умереть здесь бесполезным куском заплесневелого мяса или славным героем у дверей короля?

Он дрожащими руками застегнул цепочку и приподнял медальон на ладони. Старинная работа. По небольшому металлическому диску, как по воде расходились пять затейливых узорчатых кругов. В центре темнела какая-то руна. Лоренцо знал, что этот знак используют северные народы, но что он значит – не знал.

– Учитель? – удивлённо спросил юноша, ждавший старика во дворе. – Вы не закончите урок?

– Хватит на сегодня, – махнул рукой Лоренцо, запрыгивая в седло и поправляя на поясе отцовскую шпагу.

Ученик непонимающе посмотрел на него. Раньше такого никогда не было.

– Когда вы вернётесь? – осмелился спросить юноша.

– Завтра, – сказал Лоренцо.

Ему хотелось в это верить.

Проезжая по одной из площадей к дому де Льеро, он услышал в толпе:

– А кому погадать? А? Молодые, красивые, давай погадаю, про любовь расскажу... Погадать на удачу, на прибыль, на дела торговые, на дорогу дальнюю... Благородный господин, а вам не погадать?

Лоренцо резко остановился, увидев совсем рядом неведомо откуда возникшую цыганку. Та стояла, сверкая ровными белыми зубами, брэнчала браслетами и монетками на поясе.

– Погадать? – повторила она.

Лоренцо не верил в гадания. Но сейчас почему-то кивнул.

Женщина потянулась к его руке, но тут же отпрянула, увидев что-то у него на груди. Лоренцо непонимающе посмотрел на неё, прикрыв рукой медальон. Наверно, стоило убрать его под одежду...

– Хага... – выдохнула цыганка, то ли восторженно, то ли испуганно. – Я и не думала, что встречу тебя здесь.

– О чем ты? – нахмурился Лоренцо.

Но цыганка уже пришла в себя. В глазах появился обычный загадочный блеск.

– Не бойся смерти, – сказала она. – Она ничего тебе не сделает. Только придет посмотреть, как ты.

– О чем ты говоришь? – настойчиво повторил старик.

– О душе твоей, – туманно ответила цыганка и снова растворилась в толпе. Лоренцо только увидел в стороне её пёстрый наряд.

И, размышляя над ее словами, поехал дальше.

Они ворвались в покои короля, смяв охрану, и устремились к дверям спальни. Лоренцо выхватил шпагу, крикнув на застигнутых врасплох стражников:

– Чего встали?

И первый метнулся вперед, зная, что сейчас умрет. Умрет за короля, который отправил его в ссылку. За покой родной страны. За благополучие дочери и ее будущего мужа. За свою совесть и смерть своего отца. За жизнь так и не научившегося правильно бить юного ученика.

Его пронзили разом четыре шпаги и два кинжала. Он опустился на пол, услышав глухой стук собственной головы о дерево паркета. Тонкая

цепочка на шее порвалась, и медальон с тихим звоном скатился в щель у стены. Лоренцо ещё видел это. Не отрываясь, слушая замирающее сердце, он смотрел на щель, пока чье-то тело не упало на него, закрыв лицо.

Он уже вспомнил и понял то, о чём говорила ему цыганка.

Круг третий

Хагра стоял, прижавшись спиной к холодному мрамору дворцовой колонны. Ему стало холодно – он потерял немало крови. Удивительно, что вообще ещё двигался.

Переставляя непослушные ноги, медленно он добрался до следующей колонны. Вот впереди замаячила чья-то тень... Он сжал в ладони нож – сломанный меч остался лежать на дне канала. Но это была Анхи. Девушка кинулась к нему, целуя перемазанное кровью лицо.

– Глупый, глупый... Ну зачем же ты, глупый...

Сделав над собой усилие, он отстранил ее, велел:

– Быстро внутрь.

Девушка ушла, вытирая слезы. Он постоял еще немного, глядя на город. Беспокойный, измотанный многодневной осадой, растрёпанный всё-таки ворвавшимися захватчиками... Хагра с тоской вспомнил, каким этот город был накануне войны. Тихий, спокойный, сытый... Слишком сытый, как потом оказалось.

– Ты идёшь? – подала голос от дверей дворца Анхи. Мужчина в последний раз окинул взглядом дома и заковылял к девушке.

– Зачем ты... опять... – тихо, будто сама себе говорила девушка, промывая и обрабатывая раны. Она уже привыкла это делать. Перевязав раны, помогла мужчине лечь на кровать, сама прилегла рядом. Погладила осторожно его чёрные жёсткие волосы. Хагра закрыл глаза, тяжело, с хрипом дыша. Чья-то стрела едва не задела его лёгкое.

Они всё ещё предпринимали безумные попытки убить их – захватчиков – главного. Но предводитель кочевников был, видимо, неуязвим. По крайней мере им не удалось даже ранить его.

– Спой, – попросил Хагра. Анхи соскользнула, как кошка, с шёлка кровати и подхватила инструмент. Пробежала по струнам тонкими мягкими пальцами. И запела – тихо, нежно, как гладила.

Она пела – голосом матери, качающего любимого ребенка, и голосом юной жены, наконец обретшей любимого. Она одна умела так петь. Слова сливались в переливчатый мягкий звук, качавший на волнах измученный разум.

Хагра открыл глаза, когда девушка замолчала.

– В чём дело? – спросил он. Анхи подалась вперед, снова расплакавшись.

– Любимый мой... поклянись мне, что убьёшь меня сам, если что... поклянись!

Ему пришлось поклясться. Ему было тяжело и больно от собственных слов, но он понимал – это лучше, чем...

В дверь постучали.

Анхи торопливо вскочила, скрылась за занавеской, вернулась в накинутом поверх рубахи халате. Отодвинула по знаку мужа тяжёлый засов.

На пороге стоял Махара.

– А-а-а... Это ты, – расслабился Хагра.

– Это я, – кивнул тот, заходя и присаживаясь у огня. Он был мрачен, молодое красивое лицо наполовину закрывали свежие повязки. – Но могли быть и они. – Он резко повернулся и заговорил быстро, страстно. – Не ходи больше. Не жалеешь себя, подумай хотя бы о жене! О вашем ребенке! Что с ними будет, если ты погибнешь? Если тебя узнают? И кто тогда будет нами править?

Хагра усмехнулся:

– Кем тут править? Тобой и парой десятков крестьян? Крестьяне уже разбежались от меня, ты справишься и сам и о сестре позаботишься... – Он вспомнил недавнюю клятву и покосился на жену. Анхи сидела, поджав под себя ноги и задумчиво поглаживая чуть округлившийся живот. Их ребёнок...

– Как Вик? – поинтересовался Хагра. Он знал, что этот вопрос волнует Анхи, но сама она не осмелится спросить.

– Он в порядке, только рука ещё плохо слушается. – Махара вздохнул. – Остальные братья отправились к шаху... не вернулись пока.

Анхи опустила узкие плечи. Хагра снова покосился на нее, но та молчала. Братья, братья... У него самого никогда не было братьев.

– Так ты уже... – начал говорить Махара, но сразу замолчал. Все насторожились.

– Махара, бери сестру – и уходите в сад. Там есть выход, она знает. Берите Вика и бегите из города. Я догоню.

– Не догонишь, – тихо сказал тот, не двигаясь с места.

По коридору уже неслись громкие крики и шаги бегущих врагов.

– Иди же! – рявкнул на него Хагра.

Анхи рванулась к мужу, повисла на шее.

– Но... ты же обещал...

– Пока есть ещё надежда... – Хагра прикоснулся к ее животу. Он уже чувствовал в нём упругую силу новой жизни. – Пока есть надежда – ты должна жить.

Послышались глухие удары в дверь – враги сразу решили, что им по доброй воле не откроют.

Когда Анхи с братом скрылась в глубине дома, Хагра взял в каждую руку по сабле. Жаль, доспех надеть он уже не успеет...

Они ворвались, как поток, прорвавший плотину. Закружились у входа в комнату, напорвшись на риф. Хагра крутился юлой, стараясь хоть немного, но достать всех.

В доме была охрана, но она не посмеет вмешаться.

Несколько кочевников попытались проскользнуть мимо, но он догнал их, свалил всех... И свалился сам.

– Вы с ума сошли? – раздался прямо над ним негодующий голос. – Мне приказано доставить его живым...

Хагра перевернулся на спину, глядя в лицо врага. Они были даже чем-то похожи, но кочевник был старше. За спиной командира стоял мужчина, возраст и род которого Хагра не смог определить – все его лицо было затянуто шрамами и ожогами. Волосы седые... у него самого полголовы седины.

Слабеющей рукой Хагра достал что-то из-за своего широкого шёлкового пояса. Командир наклонился к нему, его глаза блестели любопытством...

Он даже не понял, что случилось. Резкий последний удар – из последних сил.

– Стоять! – зарычал на воинов, рванувших мстить, шрамолицый. Те замерли, но оружия не опустили...

– Эй... – позвал Хагра. Шрамолицый повернулся к нему, и в его светлых совсем чужих глазах не было ни злобы, ни сочувствия. – Держи...

Тот успел подставить руку – на ладонь опустил небольшой медальон.

– Мне уже незачем, – усмехнулся он.

– Пригодится... – хотел сказать Хагра, но сил не хватило.

Руки выпустили клинки, он мягко съехал с кучи трупов на пол, в лужу собственной и чужой крови. Глаза закрылись, и одновременно все ощущения из мира – мира еще живых, мира ПОКА живых, – исчезли.

Круг четвертый

Марта смотрела вслед дочери, прижимая ладони к груди. Точно так же всего пятнадцать лет назад уезжал и он. Он действительно не побоялся своей смерти.

Женщина смотрела на прямую, не по-девичьи широкую спину дочери, на её сильные загорелые руки, сжимавшие поводья. На волосы, растрепавшиеся на ветру. Всё это было его – его руки, его волосы, его глаза. И характер тоже ЕГО.

От этого Марте порой становилось страшно.

Они виделись всего один-единственный раз... Больше не увидятся никогда. Она знала, что останавливать его нельзя. Пусть все будет так, как должно.

Сейчас она тоже ничего не могла сделать. Тэя, доченька, единственная и любимая, уезжала, не в силах остаться. Она звала мать с собой, но Марта отказалась. Куда ей теперь? Вот тогда, вместе с НИМ... Но тогда бы не родилась Тэя.

О смерти любимого она узнала от посторонних, перехожих людей. Ей передали потемневший от времени медальон, сказав, что нашли его на дороге. Она отдала его дочери – хранить сама не могла.

И вот теперь смотрела ей в спину, не зная, хорошо или плохо, что дочь так похожа на отца.

– Храни тебя Бог, девочка моя... – прошептала Марта, когда всадница на вороном коне скрылась за поворотом.

– Мы обойдём их вон с той стороны. – Роб указал направление рукой, сам при этом косясь на девушку. Тэя невозмутимо поправила на поясе тяжёлый, совсем не женский меч. Молча кивнула, глядя в другую сторону.

– Ты слушаешь? – на всякий случай спросил Роб. Тэя кивнула и отвела взгляд от синеватых, кажущихся прозрачными гор. Её всё время тянуло туда. Один раз они с отрядом проезжали неподалёку, даже останавливались в легендарном Лисьем Ущелье – месте, где был убит и похоронен сам Хага Бард. Но дальше в горы им было не нужно, и они прошли южнее.

– Нет, ты невыносима, – вздохнул Роб. Девушка посмотрела на него, очнувшись от задумчивого оцепенения. Подошла вплотную, обняла его загорелую мускулистую шею.

– Конечно, я тебя слушаю... А куда пойдут Хэнк и Фридрих?

Главарь начал объяснять. Помощники слушали, кивая, иногда что-то добавляли.

Не слушая их, Тэя подошла к краю площадки, глянула вниз. Склон уходил прямо из-под ног к мелькавшей далеко внизу реке. Эта река текла с тех же гор...

– Все готово, – подходя, сказал Роб. Обнял девушку, уткнулся в шею, щекоча бородой мочку уха. – Ты уверена, что пойдёшь с нами?

– Ты каждый раз спрашиваешь, хотя знаешь ответ.

– Надеюсь, что ты хоть раз передумаешь.

Девушка упрямо мотнула головой:

– Нет.

Роб вздохнул и пошел к своим людям. Тэя еще немного постояла, глядя на горы. Холодный ветер выжимал из глаз слезы, всё расплывалось перед глазами, казалось, горы плывут вдалеке, как гигантские корабли.

Потом, вздохнув, девушка пошла к остальным. Надела свою тяжёлую кольчугу, прицепила на пояс меч, нож, проверила арбалет.

Все вокруг собирались так же деловито. Тэя вспомнила, как впервые попросилась с ними. На неё смотрели, как на безумную, боялись, что её спасти придется.

Но она показала себя во всей красе. Больше никто не ворчал, когда она вот так спокойно и уверенно проверяла, легко ли ходит в ножнах меч, достаточно ли стрел в колчане.

Только Роб, но Роб её любит, ему положено за нее переживать. Тем более, что сама Тэя этого делать была не намеренна.

Караван показался из-за поворота, и все разом напряглись, каждый высматривая свою цель. Тэя тоже подняла арбалет, ища – глазами и наконецником болта одновременно – свою жертву.

Вот караван целиком выехал на прямой отрезок дороги. Роб подал знак – и высокое толстое бревно с шумом легло поперек дороги. Охрана каравана всполошилась, кинулась занимать места для обороны, но – поздно. Первые стрелы нашли свои цели раньше, чем дерево коснулось земли.

Разбойники с устрашающими криками кинулись вниз. Некоторые остались на склонах и в лесу – прикрывать своих. Тэя выпустила еще несколько стрел и тоже понеслась вниз, на ходу вырывая из ножен меч.

– Хэй! – пролетел над караваном тревожный крик. Все – и охрана, и разбойники – разом оглянулись назад, в сторону, откуда пришел караван. Галопом к месту сражения неся большой отряд. Солдаты короля...

Выругавшись, грабители стали отходить в лес, кто успевал – карабкались на склоны и скрывались в зарослях низких, но густых кустов.

Тэя на секунду замешкалась, но чья-то сильная рука схватила её за ворот куртки и потащила прочь. Высвободившись, девушка побежала уже сама – надо было уносить ноги. Такого отряда им не победить.

Собравшись, кто мог, в назначенном месте, разбойники хмуро поглядывали друг на друга, на главаря.

Тот ходил кругами вокруг костра и теребил рыжую бороду.

– Скоты... – выругался он. – Сволочи... Сколько наших?

Хэнк торопливо перечислил одиннадцать имен. Эти уже не вернуться.

– Раненые?

Еще почти двадцать имен.

Плохо, очень плохо.

– Роб! – К главарю подлетел невысокий, коренастый мальчишка. – Роб, они идут сюда! Надо уходить!

– Надо уходить... – задумчиво повторил тот. – Какие есть варианты?

Его помощники с тоской в глазах ответили:

– На юг – никак. Там болото, пройти очень сложно. С запада – солдаты. Можно на восток, но там почти негде укрыться – они прочешут леса, как гребень. Нас слишком мало, их больше в четыре раза.

Тэя встала, придерживая раненую руку здоровой.

– На север.

Она не предлагала. Она не советовала. Она поняла – это единственно верный выход.

– Но куда? В горы? В Лисье Ущелье, вслед за Бардом?

– Да.

Разбойники посмотрели на девушку с недоумением.

– С ума сошла? Если уж Хага со своими бойцами не смогли там отсидеться, нам тем более не...

– Не надо было брать в руки меч, если боишься пораниться! – жёстко перебила его девушка. – Не надо было выходить на Дорогу, думая, что умрёшь своей смертью.

Все молчали.

– Я предпочитаю умереть в славном месте и в славной драке, а не на эшафоте. Я надеюсь, здесь все понимают, что закончить жизнь стариками в своих постелях ни у кого не получится?

Все молчали.

Роб, красный, как рак, шагнул к ней.

– Значит, Ущелье?

Тэя кивнула.

– Ну, что ж... Отлично! По крайней мере, повеселимся напоследок от души!

– Эй вы, грязные свиньи! Выходите, выходите! Потрепыхайтесь ещё, а то нам скучно!

Веселившимся внизу солдатам уже никто не отвечал. Сил не было.

Тэя, грызя ногти, ходила туда-сюда по лагерю, бросая отчаянные взгляды на Роба. Главарь, раненый в шею стрелой, в себя до сих пор не приходил. Выживет ли?

– Что думаешь делать? – устало спросил подошедший Хэнк. У него все лицо было в повязках, левая кисть – просто отрублена.

Тэя покосилась на него, но не ответила.

– Подождём.

– Чего?

– Если Роб не оправится...

– Думаешь, нам повезет больше?

Тэя усмехнулась:

– Думаю, у нас мало вариантов. А я не хочу подохнуть здесь от голода и ран. Лучше уж сразу...

Хэнк кивнул. Он тоже так думал. Здесь все так думали.

Роб в себя не пришел.

На следующее утро они развели для него большой костер, поднявшись на вершину горы. Солдаты короля наверняка недоумевали, видя рвущееся в небо пламя. Что еще задумали разбойнички?

Огонь ещё горел, досыта накормленный человеческими телами, а остатки отряда Робина Удачного неслись вниз, осыпая врагов стрелами, готовясь убивать их до тех пор, пока есть хоть немного сил...

Но их было слишком мало, а солдат – слишком много.

Тэя осталась одной из последних. Неподалеку еще мелькал меч Хэнка, где-то рядом громко ругался Фил, орудуя сразу двумя топорами.

Удача отвернулась от Роба, но она задержалась возле девушки, раздумывая, как поступить с ней.

Тэя столкнулась с капитаном. Невысокий молодой мужчина с непривычными для этих мест тёмными, почти чёрными глазами.

Он был силён. Много сильнее Тэи.

– Не знал, что ты девушка, – задумчиво произнес капитан Фелани.

– Иначе – что?

Тэя лежала возле самого костра, но ей всё время было холодно. Сил едва хватало, чтобы говорить.

– Иначе не стал бы тебя убивать.

Он не скрываясь любовался её лицом, её руками... её телом.

Но она умирала, он это знал. И она знала.

– Лучше бы убил меня сразу, чем мучить теперь.

Кристиан покачал головой.

– Я не желаю тебе зла.

– Потому, что желаешь меня? – прямо спросила девушка.

Капитан не ответил.

– Добей меня.

– Что?

Девушка нашла силы приподняться на локте.

– Хочешь мне помочь?

– Да.

– Добей.

Тэя видела, как менялись выражения на его лице. От гневно-протестующего до обиженно-детского.

– Хорошо.

Широкий блестящий нож бесшумно выскользнул из ножен.

– Постой. Вот возьми. – Девушка протянула капитану тонкую цепочку с медальоном. – Пусть останется у тебя. А теперь – давай.

Она легла, закрыв глаза.

Капитан занес нож, но рука дрогнула.

– Ну же... – подбодрила его Тэя. – Давай.

Круг пятый

– Откуда ты это взял?

– Нашел в замке.

– Покажи.

Ланс протянул командиру медальон.

Вик внимательно всмотрелся в переплетающиеся круги. Рисунок показался ему смутно знакомым, но где он его видел, вспомнить никак не мог.

– Нашёл, говоришь?

Юноша кивнул.

Вик еще раз посмотрел на медальон и вернул его Лансу.

– Держи.

Они постояли немного над костром. Завтра предстоял тяжёлый, почти безнадежный бой.

Война, толком не утихавшая все эти годы, вспыхнула вновь.

Чёрная громада башни надменно возвышалась над собравшимися у её подножия людьми. Она отлично помнила случившееся почти полтора века назад. Ей казалось, что эти люди внизу – у подножия и там, в стороне, – только её воспоминания. До того всё было похоже. Простояв полтора века пустой, башня смотрела на них и знала – они не на долго. Они пришли только умереть здесь.

– Как в легенде...

Вик резко обернулся.

– В легенде?

Молодой солдат пожал плечами.

– В начале войны, говорят, здесь погиб Хага, один из главнокомандующих королевской армии. Короля и страны уже не существовало, а он всё держался в этой цитадели.

Вик пожал плечами – он слышал эту легенду от отца.

Он знал, что, как и Хага, они обречены. Но о них легенды не сложат – некому будет.

Нынешний король, в отличие от легендарного, отказался покориться завоевателям. Даже зная, что страну спасти не сможет, он готовился до конца жизни защищать свой народ.

Вик не был патриотом. Он был воином. И умереть желал, как воин, – с гордостью и славой.

Он окинул взглядом собравшихся.

От и без того немногочисленного отряда осталось от силы человек двести.

Мало, слишком мало...

Много, слишком много, думал Вик, глядя, как приближаются враги. Они боялись, но их было слишком много.

Вик не стал сидеть в замке и ждать голодной смерти, хотя цитадель они удержали бы без труда. Но запасов слишком мало, слишком мало времени, а подмога уже никогда не подойдет.

Они выстроились перед цитаделью, у подножий чёрных, как и мёрзлая земля, башен.

Кажется, тогда тоже была осень, подумал Вик. Покосился на стоявшего рядом Ланса. Мальчишка держался спокойно, но лицо его было блее муки, а руки, стиснувшие рукоять меча, дрожали от напряжения.

Жаль, я не всему тебя научил, подумал Вик. Посмотрел на медальон, висевший на груди юноши.

И повернулся, готовясь встречать подошедшего врага.

За краем

Ванга бродила между трупами, подобрав широкие юбки. Браслеты на её высохших, пожелтевших запястьях тихонько побрякивали.

– Кыш! Кыш!

Присевшие были вороны послушно разлетелись. Они знали – этот человек их не ограбит. Скоро человек уйдет, и они смогут продолжить свой ужин.

– Нашёл!

Цыганка кинулась к своему спутнику, перепрыгивая через мёртвых.

Худой мужчина с болезненно жёлтой кожей склонился над совсем юным мальчиком. На его шее висел амулет. Тот самый.

– Давай его сюда!

Мужчина расстегнул цепочку.

Старая женщина повертела медальон в руках.

– Он?

– Он.

Щелкнул давно не тревожимый замочек, и медальон раскрылся, выпуская из себя тонкую, почти невидимую струйку дыма.

– Дурак ты, – заявила ему цыганка. – Сколько народу перебили из-за тебя... Ладно, лети уже. Ты теперь свободен.

Дымок несколько мгновений поплясал в воздухе и растворился.

– Надо кем-то заменить, да? – озабоченно спросил мужчина.

Женщина кивнула.

– Кого?

Цыганка неторопливо прошла, вглядываясь в лица мертвецов. Потом вернулась.

– Его. – Тонкий палец с хищным когтем указал на мальчика, с которого был снят амулет.

– Стоит ли?

– Пусть лучше там будет кто-то добрый, не желающий убивать...

– Мучиться будут.

– А иначе – не будут? – хмуро ответила цыганка. Подошла к юноше, повесила всё ещё раскрытый амулет ему на шею. Провела по воздуху скрюченными руками.

Внутри медальона зашевелился, закопошился дымок.

Быстро, пока он не успел развеяться, женщина захлопнула медальон. Наклонилась, прижалась лбом к холодному металлу.

– Прости меня. Знаю, ты не хотел вечной жизни, как он... Как Хага. Но это место должно быть кем-то занято. Я вернусь ещё, чтобы выпустить тебя. Или отпустить вас всех, если узнаю как.

Отошла, не глядя на тело.

– Скоро сюда придут, – предупредил мужчина.

– Знаю...

Уже на краю площадки, усеянной телами, она обернулась. Окинула взглядом поле боя и снова налетевшее воронье.

– Хотя, больше всего я надеюсь, что не появится второй Хага Бард, Потрошитель Могил...

Мужчина согласно кивнул. И они вместе побрели прочь, тая в наступающих сумерках.

Эпилог. Внутри

Вокруг темно.

Темно и холодно.

Нет ничего.

Тепло?

Тепло...

Исходит откуда-то сбоку, если здесь есть хоть какое-то направление.

Иду туда.

Или плыву?

Меня тоже нет, нет тела.

ДВИГАЮСЬ туда.

Они все здесь.

Два старика – отец и сын. Они оба здесь.

И девушка, державшая за руку хмурого мужчину с лицом, обезображенным шрамами.

И молодой ещё меднокожий черноволосый правитель несуществующего уже города.

Сожжённый перепуганными врагами разбойник, нескладный и долговязый, с бельмом на одном глазу.

За ними толпятся другие тени – светлые, прозрачные и темнее самой пустоты вокруг.

Двигаюсь к ним.

Встаю рядом.

За мной тоже начинают появляться тени.

Безмолвное приветствие.

«Здравствуй, Ланс»

Цыганка ошиблась.

Она выпустила одного. Но остальные тоже были здесь, ждали, надеялись.

Хотели уйти.
«Здравствуй, Лоренцо»
«Здравствуй, Тэя»
«Здравствуй, Стив»
«Здравствуй, Хагра»
Я теперь тоже с вами.

Я готов вместе с вами вечность за вечностью ждать, принимать новых, убитых нами, с их светлыми и тёмными тенями.

Пока здесь, в бесконечности, не станет тесно и мы не разобьём собой глупую игрушку, лекарство от чужой смерти.

«Здравствуй, Кристиан»
«Здравствуй, Хага Бард»

...

Непонимание

Узкие улицы города стремительно пустели. Только этим утром в СМИ поступило сообщение, что беглецы из Зоны покинули город, и люди не торопились ему доверять. Древний страх перед Тёмной Стороной, помноженный на недоверие к властям, заставлял людей поспешно прятаться по домам, закрываясь на сто замков. Многие, пессимистично глядя в будущее, не отказались от решёток на окнах. Словно эти железки могли хоть как-то защитить их от опасности.

Глядя на эти предосторожности, Руслан только кривился. Ему, десять лет проработавшему в охране Зоны, были хорошо знакомы способности её обитателей. И он мог уверенно сказать, что всё это – замки, решётки, газовые баллончики, так любимые обывателями, – всё это бесполезно против нелюдей. Магическая защита и хорошо подготовленные бойцы элитных войск – вот на что полагались власти города. Но если и эти меры предосторожности дали сбой, впервые за долгое время...

Руслан припарковал мотоцикл у подъезда, сел рядом на скамейку и закурил, оглядывая тёмный пустынный двор. Кое-где в окнах горел свет, но по большей части они были темны. Можно подумать, люди притворялись, что их нет. Можно подумать, им это чем-то поможет...

Руслан не был пессимистом. Но он прекрасно понимал тщетность всех этих детских ухищрений. Сам он больше полагался на собственные силы и оружие. Правда, после информации о том, что нелюди уехали, подтвержденной достоверными источниками, он несколько расслабился. Теперь при нём был только тяжёлый боевой нож, подаренный старым другом несколько лет назад. Маги над ним не работали, но качественного клинка и серебряного напыления должно хватить, чтобы справиться почти с любой опасностью. А беглецы из Зоны или, как ее называли большинство людей, – Заповедника... теперь они не были его проблемой. Наверное, даже хорошо, что он ушёл из охраны задолго до этих событий.

Но годы, проведённые в элитных войсках, давали о себе знать. Руслан не догадывался, для чего был устроен этот побег. Кто бы ни были беглецы – авантюристы, бунтари или хорошо подготовленные агенты – они были Тварями. А значит, рано или поздно, они захотят есть. И тогда все эти пугливые обыватели поймут, что запастись стоило не решётками и замками, а серебром и сталью.

Докурив, Руслан двинулся было к подъезду, но что-то заставило его насторожиться. Размышляя о беглецах, он слишком погрузился в себя и не заметил, как что-то переменялось вокруг. Прислушавшись, он понял, что именно не так.

Сумеречный Народ, всевозможные феи и духи, обитавшие в природе, редко появлялись в городах. Но кое-где ещё остались зеленые островки, способные дать жизнь одному-двум таким существам. Их присутствие было совершенно безопасно и почти незаметно для человека. Но не для человека, столько лет занимавшегося их ловлей...

Сегодня маленький сад, заботливо обустроенный местными тётушками, был особенно пуст. Руслан осторожно позвал:

– Элли?

Феи не любят имен, которыми их наделяют люди. Но знают их и могут отозваться. Или чем-то другим выказать свое присутствие. На этот раз ответа не последовало – сад остался тих и неподвижен. Руслан насторожился ещё больше, резко обостряя все чувства, как умели только охранники Зоны, привыкшие к постоянной готовности. Рука сама опустилась к поясу, где висел нож. Нет, стоило всё-таки захватить пистолет с собой, успел подумать Руслан, прежде чем что-то мягко обрушилось на него сзади.

Он почти не почувствовал удара, но мгновением позже лежал на земле, прижатый чем-то большим и тяжёлым. Асфальт больно царапал лицо, руки скрутило так, что хрустнули кости. В одной из ладоней заворочалась рукоятка ножа – Руслан успел выхватить его за миг до падения. Однако почти сразу захват усилился, заставляя разжать пальцы.

Горячее дыхание коснулось уха:

– Не шевелись, – велел тихий хрипловатый голос.

Руслан не ответил, лишь чуть расслабил напряжённые мышцы, выказывая покорность. Он спиной ощущал немалый вес напавшего, что-то царапнуло его запястье. Но сообразить, кто на него напал, Руслан не успел – его рывком поставили на ноги, продолжая сжимать запястья за спиной. Похоже, ладонь у незнакомца была в два раза больше, чем у самого Руслана. Это наводило на неутешительные мысли.

– Ключи, – так же тихо произнес голос, но почему-то не из-за спины, а откуда-то сбоку. Тут же Руслан почувствовал проворные руки, шарившие по карманам. Звякнула связка ключей, щёлкнул замок подъезда. Его втолкнули внутрь, прижали к стене и повели так, заставляя

грудью собирать грязь с побелки. Разбитую при падении скулу саднило, но это было не самой большой его проблемой.

– Этаж? – Руслан скорее догадался, что вопрос был обращен к нему.

– Последний.

В поле его зрения мелькнула узкая грязная рука. Она могла принадлежать девушке или подростку – узкая, с длинными тонкими пальцами, но слишком грубая, чтобы сказать наверняка. С шелестом открылись двери лифта, и Руслана втокнули внутрь. Огромное горячее тело прижалось к нему сзади, заставляя замереть, – любое движение сейчас могло стоить ему сломанной руки.

Пока лифт поднимался, Руслан пытался сообразить, кто же стоит рядом. В том, что это были не люди, он уже убедился – по бесшумности их шагов, по резковатому, какому-то животному запаху. И скорее всего это были оборотни – по крайней мере тот, что держал его. Но в то же время Руслан не мог сказать наверняка. Стойкий и неистребимый запах животного смешивался с другим – кисловатым, как забродивший вишнёвый сок. Что это могло значить, Руслан не знал.

Больше его настораживало другое. Что им могло понадобиться? Еда? Вряд ли. Они бы не стали ни обыскивать его, ни затаскивать в квартиру. Просто сожрали бы. В крайнем случае – затолкнули в подъезд. Соседи, даже увидев происходящее собственными глазами, не посмели бы вмешаться. Но они почему-то не торопятся убивать. Значит, дело не в голоде.

Лифт поднялся на последний этаж. Руслана развернули, так и не давая увидеть его похитителей.

– Какая дверь?

– Красная, – хрипло ответил Руслан, чувствуя сухость во рту. Еще один щелчок замка – и он в собственной тёмной прихожей. Оборотень завёл его в следующую комнату, толчком заставил лечь на диван, уселся сверху и стал стягивать ему запястья каким-то ремнем.

– Проверь вторую комнату, – велел ему хриплый. Тяжесть огромного тела исчезла, и Руслан рискнул осторожно повернуть голову.

Их было трое. Двое мужчин – и невысокая худая девушка, выглядевшая гораздо хуже остальных. С её принадлежностью сразу разобраться не удалось, но зато еще один спутник оборотня не вызывал сомнений. Бледная кожа, издалека похожая на тонкую бумагу. Худое, угловатое тело. Бледные губы сжаты плотно, но даже так, в темноте, было видно, как их кривят два маленьких бугорка. Вампирские клыки.

Руслан поёжился. Будучи ещё новичком в охране, он как-то нарвался на вампира перед «кормёжкой» – так называли процесс выдачи упырям крови. Кровь для вампиров побогаче поставляли доноры, быстро становившиеся такими же богачами. Остальных кормили звериной – коровьей и свиной – кровью. Неоднократные попытки вампиров обзавестись собственным скотом заканчивались неудачами – животные

панически боялись хозяев. Так что приходилось терпеть постоянный голод, от одной кормёжки до другой. Их проводили раз в неделю, и перед самой выдачей крови вампиры были особенно голодными. А посему – безмерно агрессивными.

На руке у Руслана до сих пор белел неровный полумесяц с двумя симметричными точками – след старого укуса.

– Чисто.

Это оборотень закончил осмотр квартиры. Взглянув на него, Руслан только выругался. Разумеется, мысленно. Этот нелюдь был настоящей проблемой. Огромный, коротко стриженный мужчина, казавшийся слишком массивным для быстрых действий. Но внешность оборотня обманчива – как и любой другой твари. Руслан даже не смог бы угадать возраст оборотня. Но выглядел он молодым.

– Хорошо, – хрипло произнес вампир, косясь на Руслана красноватыми глазами. – Этого пока не трогать, он еще может пригодиться.

«Им нужно убежище, – подумал Руслан. – Наверняка, их засекли в городе. А нелюди спрятаться в городе не проще, чем человеку – в Заповеднике»

Вампир поморщился, словно подслушал его мысли, и быстро велел стоявшей без дела девчонке:

– Следи за окном.

– Я сам, – старший оборотень отстранил спутницу и устроился возле окна. Руслан заметил, что при этом его огромная рука постоянно поглаживала карман куртки, – видимо, там было спрятано оружие. Не найдя себе занятия, девчонка-оборотень отправилась на кухню, загремела посудой. Хлопнула дверцей холодильника.

– В морозилке есть мясо, – осмелился заметить Руслан. В его интересах было, чтобы нелюди были сыты. Вампир, все еще стоявший рядом с ним, хрипло хохотнул.

– Какой радушный нам попался хозяин!

Руслан промолчал. Впрочем, тот факт, что вампир с ним заговорил, утешал – твари обычно с добычей не разговаривают. По крайней мере, так считалось...

Вампир, немного постояв в раздумьях, присоединился к девчонке. Некоторое время в квартире было тихо. Руслан уже достаточно пришел в себя, чтобы начать подумывать о сопротивлении. Конечно, грубой силой тут ничего не поделаешь – хорошо, если самая слабая их них окажется ему по силам. Про этого громилу у окна и говорить нечего – он ломает Руслана двумя пальцами, как тростинку.

Но выход всё-таки был – тайник со специальным оружием, обустроенный в спальне. Наверное, было не самой разумной идеей устраивать его так далеко от входа, но кто же знал, что обороняться придётся от тварей внутри дома?

Тайник Руслан устроил еще до того, как покинул охрану Заповедника. По совету старших товарищей он добыл патроны, рассчитанные на нелюдь – добыл просто чудом, потому что все боеприпасы в охране были на строгом учете. Там же лежал его пистолет – уже простой, купленный им самостоятельно. Тайник Руслан тоже делал сам, с учетом опыта друзей и коллег. Сделал хорошо – даже этот оборотень не нашел. Руслан даже порадовался, что пренебрѣг магической защитой, – её твари почуяли бы сразу, и тогда шансов на спасение не осталось бы...

– Дик, – негромко позвал голос из кухни. Оборотень у окна даже не обернулся, бросил через плечо:

– Что?

– Пора.

Руслан напряг слух – даже находясь в разных комнатах, эти твари говорили совсем тихо – и всё равно слышали друг друга. Оборотень ничего не ответил, только кивнул. Повернулся к окну спиной и долго, внимательно смотрел на Руслана. У того замерло сердце. Похоже, его «гости» собираются уходить... а что они сделают с ним? Вряд ли он им ещё пригодится, если только нелюди не решат вернуться сюда...

– Кэт посторожит, – на ходу бросил вампир. Они с оборотнем направились к выходу, в то время как их спутница устроилась на подоконнике напротив Руслана. Последнему такое положение дел нравилось гораздо больше. Из всех противников остался один – самый слабый. Конечно, он не знал, куда и на какое время ушли её дружки – но верил, что успеет. Главное теперь – оказаться в спальне. А значит, нужно как-то отвлечь внимание этой Кэт.

Оставшись наедине с пленником, девушка устроилась на окне, наблюдая за улицей внизу. Руслан осторожно приподнялся, пытаясь упереться в диван связанными руками, а заодно проверил, насколько свободно он может двигаться. Первое же движение привлекло внимание Кэт.

– Не шевелись! – велела она, резко поворачиваясь к нему. Руслан замер, внимательно разглядывая своего «сторожа». У него уже появлялись идеи, насчёт принадлежности этой девчонки – скорее всего, она тоже была оборотнем. Тем более что кисловатый запах, источаемый, судя по всему, вампиром, уже начал выветриваться из квартиры, а звериный – остался.

– Что со мной теперь будет? – поинтересовался Руслан. Девчонка не ответила, только нервно дёрнула плечом. Похоже, что она сама не знала. Интересно, а она вообще в курсе, какие планы у её дружков? И зачем она им вообще нужна? Разглядывая ее, Руслан пришел к выводу, что на месте нелюдей, вряд ли стал бы таскать с собой такой балласт.

Неожиданно под окном раздался гул мотора. Руслан вздохнул:

– Мой байк...

– Заткнись, а? – буркнула девушка, отворачиваясь от него. Руслан помедлил, но замолчать и не подумал:

– Надеюсь, они его не разобьют.

– Тебе-то какая разница? – хмыкнула Кэт. Руслан пожал плечами.

– Я ещё надеюсь выжить. А байк, между прочим, немалых денег стоит.

Кэт искоса глянула на него:

– Если не заткнёшься, то байк тебе уже не понадобится.

– Ты меня убьёшь?

– Я подумаю, – по тону девушки Руслан понял, что она вовсе не уверена в собственных словах. Видимо, её дружки не стали рассказывать ей, куда и зачем отправились. Руслан выждал ещё пару минут, прежде чем заговорить снова:

– Может, развяжешь меня?

– Ещё чего! – фыркнула Кэт.

– Да ладно, только не говори, что ты меня боишься, – Руслан ничего не понимал в звериной психологии, поэтому бил наугад. – А у меня руки затекают. Это, между прочим, больно.

– Ловить пулю больнее.

– Это угроза?

Кэт смерила его взглядом, в котором Руслан различил самые разные эмоции – от страха и неуверенности до вызова всему миру. Да уж, сейчас Кэт больше всего напоминала упрямого подростка, неосторожно вязавшегося во взрослые разборки.

– Так ты меня развяжешь?

– Нет! – рыкнула та и, легко соскочив с подоконника, скрылась на кухне. Через полминуты снова заняла свой пост, но уже с большим куском сырого мяса в руках. Руслан смотрел, как мясной сок тонкими струйками стекает между пальцев и по подбородку девушки, и чувствовал нарастающее отвращение.

Некоторое время они оба молчали. Руслан немного расслабился, уверенный, что в ближайшее время его не убьют. Теперь нужно как-то освободиться от ремней на руках и пробраться в спальню. Размышляя об этом, он не забывал следить за выражением лица своей надсмотрщицы. Судя по всему, пока во дворе было спокойно. Неожиданно девушка заявила:

– А я тебя помню.

– Что? – Руслан даже вздрогнул от неожиданности, но быстро взял себя в руки. Кэт задумчиво кивнула:

– Ты был тогда... на штурме.

«Выясняется...» – мрачно подумал Руслан. Кэт продолжала бормотать:

– Я всё это видела. И как вы нас расстреливали... и как потом приезжали *ваши* главные, разбираться – в чем дело.

«Нет, – подумал Руслан. – Если бы мы ВАС расстреливали, мы бы сейчас не разговаривали»

– Это было давно, – на всякий случай заметил он. Девушка кивнула:

– Девять лет. Но мы не умеем забывать.

Это звучало слишком пафосно, чтобы Руслан поверил. Да, судя по всему, перед ним именно подросток – неумелый, еще неопытный, но одержимый великими идеями. А идеи у подростков обычно похожи...

– И чего вы хотите добиться? – спросил он. Кэт скривилась:

– Тебе-то какое дело?

– Просто интересно. Ведь я правильно понимаю, что долго не проживу? Могу я узнать, ради чего умру?

– Не язви, – фыркнула Кэт.

– И всё-таки? – настаивал Руслан.

– Тебе лучше заткнуться.

– А если не заткнусь? – Руслан понимал, что играет с огнём, но ему хотелось немного прощупать почву, на которой предстоит действовать. Кэт оскалилась:

– Я тебя убью!

– А что скажут твои дружки?

– Они не обидятся, – заявила она, но слишком неуверенно. Руслан пожал плечами и действительно замолчал.

Время ожидания тянулось издевательски медленно. У Руслана затекли руки, в горле пересохло и дико хотелось курить, но он старался не привлекать к себе внимания. Несколько раз пытался незаметно сменить положение, но ни разу ему это не удалось – слух у нелюди просто невероятный.

– Знаешь, я ведь не мог тогда отказаться. – Руслану надоело молчать. Он добавил, имея в виду штурм Стены: – Это же была моя работа. Нужно понимать...

– Мы всё понимаем, – буркнула Кэт. – Мы все всё понимаем. А вот вы что-то не очень к этому стремитесь.

– Сложно войти в положение... того, кто тебя связал и обещает съесть. – Руслан чуть не сказал «человека», но вовремя спохватился. Кэт скривилась:

– Если бы вы не загнали нас в эту клетку и не кормили бы с лопаты, как зверей в зоопарке, ничего подобного бы не случилось.

Руслан усмехнулся:

– А вы теперь решили поменяться местами?

– Какая тебе разница?

– Я уже говорил – просто интересно...

– Ах, интересно! – Кэт соскочила с подоконника, в два шага оказалась рядом и прошипела, склонившись над пленником: – А мне интересно, почему вы, такие всё понимающие и добрые, не видите очевидного?

Может, потому что вам это не выгодно? Вы стремитесь только подавлять и убивать всё, что вам мешает! Вы даже не пытаетесь понять причин!

– Но я же пытаюсь, – спокойно ответил Руслан, глядя девчонке прямо в глаза. Та хотела было отвернуться, но удержалась. Руслан знал, что с оборотнями, как и с животными, это действует превосходно. Теперь он сможет подавить её, заставить уступить... главное только не отводить взгляд первым.

Это было жутковато, но Руслан справился – Кэт первая дёрнулась в сторону, громко, неумело ругнувшись. Нервно заходила по комнате, поглядывая на пленника. Потом ринулась на кухню (видимо, от нервов у девчонки разыгрался голод). Руслан решил ещё раз испытать судьбу. Привстал, сделал шаг к спальне...

– Даже не думай! – Кэт возникла в дверях кухни.

– Хорошо, – согласился Руслан, возвращаясь на диван. – Я, между прочим, тоже хочу есть.

– Потерпишь.

– Себе ты делаешь поблажки.

Кэт недовольно поморщилась, но всё-таки подошла и рывком стянула с Руслана ремни. Мужчина скривился, растирая запястья, – они совсем онемели, и понадобилось несколько минут, чтобы привести их в порядок. О том, чтобы напасть на девчонку прямо сейчас, он и не думал. По сравнению со своими друзьями она, может, и слаба, но человек – слабее.

Руслан медленно поднялся, разминая ноги, прошел на кухню, сунул в микроволновку остатки утреннего омлета. Подумав, вернулся с едой в зал – лишний раз действовать «гостье» на нервы не хотелось.

Кэт лишь чуть повернула к нему голову, продолжая следить за окном. Руслан уселся на диван, разглядывая её, и пришел к выводу, что девчонка могла бы показаться ему красивой – если бы он не знал, кто она. Гибкая, сильная, несмотря на внешнюю худобу, с матовой смуглой кожей, светлыми волосами и большими внимательными глазами...

Сообразив, что Кэт смотрит на него, Руслан усмехнулся.

– И как? – спросила она, видимо, догадавшись о мыслях пленника. Руслан ответил неопределенно:

– Нормально.

– Ну-ну... – фыркнула она, но тут же вся надменность сползла с её лица. Она задрожала и стремительно, но совершенно бесшумно кинулась к двери. Руслан, как мог, напрягал слух, но ничего не услышал. Секундой позже в замке щелкнул ключ и в квартиру ввалились приятели Кэт.

Увидев их и сообразив, что произошло, Руслан не смог решить, стоит радоваться или нет. Дик на руках втащил в комнату вампира. Тот казался мёртвым – совершенно мёртвым. На его животе алело огромное кровавое пятно. Для человека такое ранение было бы смертельным, для вампира... как знать.

Следующие минуты была наполнены настоящей суматохой.

– Да что там... – испуганно начала Кэт, но Дик перебил ее звериным рыком:

– Быстро, аптечку!

Кэт кинулась в комнату, но в растерянности остановилась. Бросила на Руслана выразительный взгляд. Тот со вздохом поднялся с дивана и под пристальным взглядом девушки достал аптечку. К сожалению, она находилась в этой же комнате. Кэт сорвала с дивана покрывало и расстелила на полу. Дик уложил своего кровопийцу. У Руслана в голове промелькнула странная мысль – вот гады, испортят ведь и покрывало, и ковер... Он прогнал эти мысли подальше и встал чуть в стороне, чтобы хорошо видеть. Стоило получить такой интересный опыт – не каждый день в его присутствии лечили вампиров.

Оборотень оттолкнул бестолково метавшуюся подругу:

– Следи за окном!

Та молча подчинилась, но больше смотрела на своих друзей, чем во двор. Заметив рядом Руслана, покривилась.

– Что ещё?

– От тебя воняет, – хрипло буркнула она.

– Тихо, вы! – Дик рыкнул так, что зазвенели стекла в окнах. Он склонился над раненым вампиром, стал стягивать с него плащ. Рубашка была изорвана и вся пропитана кровью, оборотню пришлось помогать ножом, чтобы убрать ткань. Руслан всмотрелся повнимательнее и понял, что это работа магов. Ни одно человеческое оружие не могло нанести такой раны. И вряд ли на них нападали кто-то свой, из нелюди.

Дик между тем открыл рану и стал осторожно обрабатывать ее края. Руслан искренне не понимал смысл этого действия – это ведь не царапина и не маленькая ранка, тут нужно что-то посерьезнее...

– Ему кровь нужна, – заметила Кэт. Руслан напрягся. Не стоило и сомневаться, кого они выберут в качестве донора. Оборотень подумал о том же – бросил на пленника изучающий взгляд.

– Не этого. Он нам еще пригодится. – Он вдруг обратился прямо к Руслану: – Принеси простыни.

Руслан шагнул в спальню, собирая простынь с кровати, бросил взгляд в сторону тайника... но тут в дверях возникла тень девушки, и он разочарованно вздохнул. Если за ним будут так следить, он никогда отсюда не выберется.

Дик разорвал ткань на полосы и обмотал ими вампира, как бинтами. Потом закутал раненого и уложил его на диван. Руслан обратил внимание, что за всё это время вампир не издал ни звука. Но раз уж с ним возьмется, наверное, он еще жив. Устроив его как следует, оборотень повернулся к Кэт:

– Я пойду, поищу что-нибудь.

– Может, не стоит?

Руслан не смотрел на неё, но чувствовал взгляд в затылок. Дик покачал головой:

– Не волнуйся, я быстро.

– Может, я? – предложила Кэт. Руслан даже не сообразил, что она предлагает – свою помощь или свою кровь?

– Сиди здесь и приглядывай за ними, – велел Дик. Быстро проверил карманы – Руслан решил, что там было оружие и запасные патроны. – Я скоро вернусь. Если что-то случится, бросай их и возвращайся к Артуру.

– Но... – попыталась возразить девушка, но Дик быстро обнял её, поцеловал в лоб и, делая вид, что не замечает её взгляда, направился к двери.

– Я быстро.

Снова хлопнула дверь. Руслан молча стоял в своём углу, глядя на Кэт. Девушка некоторое время стояла неподвижно, глядя на закрытую дверь. Когда она обернулась, в её глазах блестели слезы. Не обращая внимания на пленника, она села в кресло и включила телевизор. Быстро нашла главный местный канал. Там шли новости.

– ...поступили сведения, что они не покинули города. Просьба всем горожанам: не покидать своих квартир и сохранять спокойствие. В поисках уже задействованы работники спецслужб и магического управления. В данный момент им удалось напасть на след беглецов, один из них, предположительно, ранен...

– И что ты станешь делать, когда они тебя найдут? – спросил Руслан, глядя на девушку. Кэт нервно дернула головой:

– А?

– Что будет, когда они вас найдут?

– Если найдут, – буркнула та.

– Я бы в этом не сомневался, – покачал головой Руслан. – Это профессионалы.

– Мы тоже не лыком шиты, – усмехнулась Кэт, но Руслан явно видел, что весёлость эта напускная. Похоже, девчонке не по себе от происходящего. Интересно, сбегая из Заповедника, она догадывалась о том, что её ждёт? Наверняка она пошла только за Диком – Руслан видел, что девчонка влюблена в него по уши.

Руслан осторожно шагнул в сторону Кэт, и та резко вскинула голову:

– Стой!

– Можно, я сяду? – Руслан кивнул на свободное кресло. Кэт промолчала, и он расценил это как разрешение. Уселся, задумчиво глядя в мелькавшие на экране телевизора картинки.

– И что дальше?

Кэт не сразу поняла, о чем он.

– Что?

– Я говорю, что ты намеренна теперь делать?

– Ждать, – буркнула она. – Если Дик задержится, скормлю тебя Виктору. Еще вопросы есть?

– Есть, – кивнул Руслан. – Что это? Диверсия? Теракт? Знак протеста?

– Война.

Мужчина хмыкнул:

– Какая же это война...

Он мельком взглянул на экран, и в голове его родилась идея. Он обратился к девушке:

– Посмотри. Разве это – война?

Кэт проследила за его взглядом... и замерла. Ее глаза расширились, она вся напряглась, словно собиралась на кого-то кинуться. Ногти впились в обивку кресла.

На экране белело лицо не безызвестной всему городу личности – Артура Романова, одного из управляющих Заповедником. С совершенно спокойным выражением лица он отвечал на вопросы репортера:

– Нет, управление Сумеречной Зоны не несет ответственности за действия этих людей. Могу с уверенностью заявить, что все возможные сообщники беглецов, ещё не покинувшие Зоны, найдены и доставлены в соответствующие органы... Так же мы искренне соболезнуем семьям погибших при побеге охранников и обещаем содействовать поимке...

– Тварь! – взревела девушка, швыряя в экран пульт от телевизора. – Скотина, убудок, гад! Обманщик! – Она, содрогаясь от душившей ее ярости, вскочила, закружила по комнате. – Вот ведь сволочь! Что он вообще такое говорит? Что он делает?!

Руслан только мысленно улыбнулся. Похоже, он был прав – эти трое выбрались из Заповедника не без помощи сверху. Вот только, отправляя их в город, никто не сказал, что они – лишь ширма, куклы, чтобы отвлечь внимание от чего-то более серьезного... Об этом следовало сообщить в спецслужбы, но Руслан решил, что подумает об этом потом – когда выберется.

А Кэт все еще бесилась:

– Урод! Ненавижу его, предателя! Ненавижу! Сволочь! Конечно, ему легко... убить его мало!

Руслан почувствовал закипающую злость. Он терпеть не мог женских истерик, даже если женщина – и не женщина вовсе, а такая вот нелюдь. Он вскочил, схватил Кэт за руки и со всей силы встряхнул. Та на мгновение замерла, тяжело дыша. Рывком освободила руки и уселась в кресло. Руслан заметил, как нервно дергаются её губы, приоткрывая тонкие острые клыки. Она плохо себя контролировала, стоило быть поосторожнее.

– Успокойся!

– Тебе легко говорить, – процедила девушка сквозь зубы. – Успокойся! Да как тут можно оставаться спокойным? Мы же... Мы же умирать готовились ради него... а он...

– Я так понимаю, вы планировали какой-то теракт? – Руслан надеялся хоть что-то выудить, пока девушка не пришла в себя, но Кэт его словно не замечала. Продолжала ругаться сквозь зубы, терзая подлокотники кресла – мягкая обивка уже висела лоскутами, на дереве оставались глубокие царапины от когтей.

– Ты можешь мне хоть что-нибудь объяснить? – настаивал Руслан. Кэт подняла на него злые глаза. Кажется, она совсем забыла, кто из них пленник.

– А ты не понимаешь? Ты же видел... Ты же всё видел с этой своей чёртовой стены! Мы же как звери в зоопарке... Думаешь, мы не знаем, как вы называете Зону? Заповедник! Резервация! Мы же как в клетке – одной на всех! Все друг друга боятся и ненавидят, и жрут друг друга, чтобы не сдохнуть к чёртовой матери!

Руслан подумал, что его соседям самое время всполошиться – Кэт орала так, что слышно было на другом конце города. Что ж, это даже неплохо, если кто-то позовёт помощь. Но пока стоит рассчитывать только на себя.

– Ненавижу этих гадов! – Кэт вся тряслась от ярости. – Они воруют наши деньги, нашу кровь, а потом посылают нас на смерть... им легко! Им ничего не угрожает! Да они готовы с потрохами нас продать, лишь бы выслужиться перед этими людишками! – Похоже, её совсем не смущало, что её единственный слушатель – человек. Она вообще вряд ли соображала, что происходит вокруг. Руслан попытался вклиниться:

– Можно подумать, у нас по-другому...

– Вас не заставляют убивать друг друга!

– Это еще как посмотреть... – хмыкнул Руслан. Кэт неожиданно со всей силы оттолкнула его, крикнув:

– Отойди! От тебя воняет!

Руслан покорно отстранился. Кажется, это подходящий момент, чтобы открыть тайник... Но вдруг девушка вскинула голову, зрачки её начали с неестественной скоростью расширяться и сужаться. Руслан насторожился – и почувствовал, как в самом воздухе что-то изменилось...

– Маги! – изумленно выдохнула Кэт. Кинулась вперед, схватила за руку не успевшего увернуться Руслана – когти впились в запястья так, что выступила кровь. Девушка сунулась было к окну – и отшатнулась с выражением ужаса на лице.

– Дик!

Руслан мысленно улыбнулся. Минус один. Теперь бы вырваться из этого захвата...

– Не вздумай делать глупостей! – заявила ему Кэт. Кажется, она собиралась сказать что-то ещё, но тут стекло рядом с ней брызнуло тысячью мелких осколков, со звоном посыпавшихся на пол. Руслан рухнул на них, увлекая за собой Кэт. Можно было не сомневаться, что на каждой крыше двора сидит минимум по одному снайперу.

– Мы знаем, что вы здесь, – прошелестел в комнате низкий мужской голос. Руслану даже показалось, что он узнал говорившего – магов-трансляторов в спецотделе было не так много. Голос продолжал:

– Сдайтесь – или мы применим силу.

Кэт покосилась на Руслана. Видимо, она только сейчас начала соображать, зачем её спутникам понадобился заложник. Маг-транслятор, конечно, не мог прочесть её мыслей, но в этот момент в комнате прозвучало:

– Мы знаем, что у вас заложник. Поверьте, нас это не остановит.

Руслан нахмурился. Интересно, это только угроза? Может быть, и нет – с этих станется. Не так уж сложно пожертвовать одним человеком ради убийства сразу двух тварей. Руслан обратился к Кэт:

– Похоже, мы теперь на одной стороне.

– Да ну?

– По крайней мере, мы оба хотим выбраться отсюда живыми.

Кэт промолчала. Было видно, что она растеряна. Но ни Дик, ни Виктор не могли ей сейчас помочь... Руслан даже не был уверен, жив ли вампир – он неподвижно и молча лежал на диване, не подавая признаков жизни. Наконец, уже на грани новой истерики, Кэт вцепилась в Руслана:

– Ты знаешь, что делать?

– Догадываюсь, – кивнул он. – Если нам удастся выбраться из квартиры, маги нас потеряют. Поверь, я знаю, как они работают. Чтобы прошарить весь дом, им понадобится время. Может быть, мы успеем сбежать.

– Как ты предлагаешь выйти отсюда? Думаешь, в подъезде никого ещё нет?

– Если они не взламывают дверь – нет. Наверное, они хотят провести операцию как можно чище.

– И? – нахмурилась Кэт.

– Нужно их как-то отвлечь. Ты сможешь?

– Как?

– Не знаю... – больше всего Руслан опасался магов – с ними, пожалуй, будет сложнее всего... Или проще?

– Когда ты превращаешься – это магия?

– Что? – растерялась девушка.

– Когда ты превращаешься в зверя, идёт магический всплеск?

– Я... ну, да... я не знаю наверняка...

– Стоит попробовать, – решил Руслан. Кэт недоверчиво посмотрела на него:

– И что ты сделаешь потом?

– Попроюсь к двери и незаметно открою её. Думаю, для тебя не будет проблемы меня догнать.

– Не сомневайся! – Не смотря на ситуацию, слова Руслана польстили ей.

– Вот и отлично. Мы выберемся на чердак. Там наверняка кто-нибудь дежурит, но с парой человек мы справимся.

– Это да... но как я могу быть уверена, что ты меня не подставишь? – Хоть немного здравого смысла у девчонки всё-таки было. Руслан развел руками:

– Никак.

Кэт вздохнула и стянула с шеи какой-то медальон. Бесцеремонно схватила Руслана за руку – ту, где кровоточили следы ее когтей. Поймала несколько капель на металлический диск.

– Что это?

– Артефакт. Он не позволит тебе предать меня. Если я умру по твоей вине, он убьет тебя. Но чтобы активировать его, нужно твое имя.

– Владимир, – не запнувшись, выдал Руслан. И с замиранием сердца посмотрел на медальон. Что должно произойти? Он никогда не считал свое второе, полученное при крещении, имя настоящим. Но в то же время он мог так себя назвать... Да и вряд ли у такой девчонки мог оказаться действительно сильный артефакт!

– Хорошо, – кивнула Кэт, глядя на капли крови – они словно впитались в металл. Затем она повесила медальон себе на шею и принялась раздеваться.

– Это еще зачем?

– Одежда будет мешать, – отозвалась она, скидывая джинсы. Наконец, она осталась совершенно голой, не считая болтавшегося на груди медальона. – Я готова.

– Начинай, – кивнул Руслан, чуть отстраняясь – в сторону спальни. В то же мгновение воздух вокруг Кэт сгустился, по нему пробежали темные дымчатые полосы, и в этом мареве тело оборотня словно расплылось.

Не дожидаясь окончания превращения, Руслан со всех сил рванулся в сторону – в спальню. Захлопнул за собой дверь, подпер ее стулом – и рухнул на пол, услышав звон стекла. Несколько выстрелов прогремели над ним. Руслан, не поднимая головы, пополз к тайнику. В дверь за спиной что-то глухо ударило, раздался яростный визг и шипение – это Кэт-оборотень сообразила, что её обманули. Руслан не стал отвлекаться на неё. Добрался до тайника, вытащил пистолет и патроны. Как только обойма с щелчком встала на место, мужчина почувствовал себя увереннее. Теперь эта девчонка может сколько угодно ломиться в его дверь.

Но Кэт действительно была сильной – еще несколько ударов, и деревянная створка распахнулась. В комнату ворвалась огромная лохматая тварь, больше похожая на бездомную кошку, чем на настоящего хищника – за исключением размеров, конечно. Она кинулась на Руслана, метя когтями в грудь...

Две пули одновременно вошли в кошачье тело – одна в спину, другая – в горло. Руслан мысленно поздравил неизвестного снайпера и, не

поднимаясь, пополз к выходу. Когда он пробирался мимо лежащего вампира, обнаружилось, что тот ещё жив. Виктор не открывал глаз и не шевелился, только тихонько произнес:

– И кто-то ещё удивляется, что мы ненавидим друг друга...

Руслан нацелил на него пистолет, и в то же время почувствовал металлический привкус во рту, словно в горло сыпанули металлической пыли. Однако нажать на курок это ему не помешало...

После второго выстрела маги дали добро – нелюдь мертва. Однако дверь в квартиру Руслана пришлось ломать. Забежав внутрь, милиция и охранники, вызванные из Заповедника, нашли только три трупа. Маги чуть позже подтвердили – да, был всплеск магической энергии. Какого плана? Разрушительного, конечно же...

Руслана хоронили в закрытом гробу.

Каменный ангел

Мокрый жёлтый лист сорвался с дерева над моей головой и, кружась, опустился мне на плечо. Я взяла его, повертела в руках и выпустила. Он упал на землю рядом с кучей перекопанной земли и сразу затерялся среди таких же опавших листьев.

Я была здесь много раз. Я даже не могла толком вспомнить, когда нашла это место. Кажется, мне было лет пять. Тогда я первый раз сбежала из дома.

Родители в очередной раз поругались, и я не выдержала. Просто собрала вещи, показавшиеся мне тогда необходимыми, взяла деньги из маминой сумки – и ушла. Они были так заняты ссорой, что даже не заметили моего исчезновения. Опомнились почти через час. За это время я успела уехать на автобусе на другой конец города и пешком отправиться в посёлок, находившийся в сорока километрах за городской чертой – к бабушке. Я её особо не любила, но она хотя бы никогда не говорила таких ужасных вещей, как мои родители... Мой старший брат, которого мама родила ещё до свадьбы от другого мужчины, жил там уже несколько лет.

Не знаю, о чём я тогда думала. Наверное, мне показалось слишком долго идти в обход, и я направилась напрямик через кладбище. Оно тянулось на несколько километров вдоль трассы, ведущей в Озёрский. И до сих пор не знаю, каким оно было в ширину.

Удивительно, что меня так и не заметили, – ребёнок в ярко-розовой куртке, одиноко идущий между могил. На кладбище было полно народу. Возможно, поэтому на меня не обращали внимания – решили, что я

пришла сюда с родителями. Для беспризорника, какие стайками носились между могил, я выглядела слишком ухоженной.

Я помню только одно – похороны. Я вышла прямо к ним. Люди, все в тёмной одежде, стояли, опустив головы, вокруг могилы, куда только что опустили гроб. Я несколько минут смотрела на них и никак не могла понять – грустят они или нет. Никто из них не плакал, даже женщины. Некоторые явно скучали, кто-то даже улыбался – но это я, скорее всего, додумала уже позже. Когда начала хоть немного разбираться в людях... А тогда я просто прошла мимо, стараясь остаться незамеченной.

Разумеется, я заблудилась. Мне тогда казалось, что это просто – иди себе по прямой, наметив где-нибудь далеко впереди примечательный ориентир. Но я всё равно заблудилась. Как подтвердилось позже, чувства направления у меня вообще нет.

Я блуждала до самого вечера, уже забыв, куда шла. Кладбище пустело, а мне хотелось только одного – поскорее выбраться отсюда. Но я не подходила к людям и не просила отвести меня домой. Ведь дома – мать, которой на меня наплевать, и отец, который меня ненавидит... И это не детские выдумки – это правда.

Когда стало темнеть, я поняла, что идти куда-то уже бессмысленно. Я только сильнее устану. А потом где-то совсем неподалеку завывли собаки. Я до жути боялась собак – после того, как овчарка папиного приятеля укусила меня за ногу. Но тогда собаку быстро отогнали, а сейчас я была одна. И я была свято уверена, что эти, без сомнения голодные, твари съедят меня заживо. Я так испугалась, что кинулась бежать. Но далеко ли может убежать пятилетний ребёнок? Я почти сразу упала и подняться уже не смогла. Я заползла под оградку одной из могил и прижалась к надгробию. С его выцветшей фотографии на меня смотрела пожилая женщина с добрым лицом. Мне почему-то казалось, что она не позволит никому меня обидеть...

Так я и просидела несколько часов. Я замерзла и хотела есть. У меня с собой было печенье, но его не хватило, чтобы утолить голод. А потом ещё и дождь начался. Я сидела, мокрая, замерзшая, грязная, я плакала и мне было уже всё равно – пусть даже меня заберут домой, где родители непременно меня накажут. Пусть меня съедят собаки, лишь бы не сидеть здесь и не бояться больше.

То, что случилось потом, я помню довольно хорошо. Он вышел из-за старого, полуразвалившегося склепа, единственного на нашем кладбище. Он выглядел очень странно – высокий, длинноволосый, в темной просторной одежде. Из-за этого было особенно хорошо видно, какой он бледный. Наверное, я приняла его за призрак. И закричала от страха, уверенная, что душа доброй старушки, отгонявшая от меня собак, с ним, конечно, не справится.

А он остановился в двух шагах от меня, оглядывая кладбище, и совсем не смотрел в мою сторону. Он поводил головой, как делают

слепые – я уже видела слепых, например, своего дедушку. Он точно так же поворачивал голову из стороны в сторону, и при этом взгляд его был неподвижен. Тут из кустов выскочила здоровая лохматая собака и кинулась к нему. Я чуть не закричала. И закричала бы, если бы страх не отнял у меня голос.

А он присел и потрепал собаку по голове. Та несколько раз тихонько твякнула и повернулась в мою сторону. Он тоже посмотрел на меня. И словно только сейчас заметил. Снова погладил собаку и направился ко мне.

Я начала сомневаться – ведь призраки не могут гладить собак. Если эти собаки сами живые. Но тут же в голове всплыли десятки рассказов про злых людей, а это было ничуть не лучше.

Но он не собирался делать мне ничего плохого. Он присел с той стороны ограды и негромко произнёс:

– Привет.

Я ничего не ответила. Он вдруг улыбнулся, и от этой улыбки его узкое, какое-то острое лицо стало совсем добрым. Он протянул руку между прутьев ограды.

– Не бойся, я не призрак.

– А я и не боюсь! – наконец проговорила я. Наверное, мне тогда казалось, что ответ звучал гордо и уверенно. Наверняка, он звучал жалобно. Потому что он снова улыбнулся.

– Вот и хорошо. Ты храбрая девочка. Что ты здесь делаешь?

– Я жду утра!

– Зачем? – словно бы удивился он. – И как ты здесь оказалась?

– Я иду к бабушке.

Наверное, это было похоже на сказку о Красной Шапочке. Только волк мне попался не серый, а какой-то чёрный. Он не опускал руки и продолжал улыбаться.

– Иди сюда.

– Не пойду!

– Я отведу тебя к сторожу, – объяснил он. Я решила ему не верить.

– Мне все говорили, что с незнакомыми людьми ходить нельзя!

– Но ты же не хочешь просидеть здесь всю ночь? – спросил он. Я помотала головой. Он вдруг оглянулся на собаку, смиренно сидевшую в стороне и смотревшую на меня своими большими карими глазами. – А хочешь, Атос тебя проводит?

Я так и вздрогнула. Мысль о том, что нужно хоть на шаг приблизиться к этому чудовищу, меня перепугала до смерти. Кажется, он это заметил.

– Ты боишься собак?

Я дёрнула головой – то ли соглашалась, то ли нет. Он усмехнулся.

– Не надо их бояться. Здесь собаки добрые. Я и сторож подкармливаем их. Они не кусают людей.

Я ему не поверила. И тогда он вдруг выпрямился и хлопнул себя по бедру.

– Атос, иди сюда.

Собака подбежала сразу. Она оказалась ему по бедро. Я замерла, не смея движением обратить на себя внимание Атоса. Он же заискивающе смотрел на Него и мёл по земле пушистым хвостом. А Он смотрел на меня.

– Подойди, не бойся. Атос тебя не укусит, обещаю. Хочешь, я его подержу?

Я неуверенно оглянулась на надгробие. Фотография старушки ласково улыбалась и, видимо, была не против. И тогда я осмелилась подойти.

– Погладь, – сказал Он, заставляя Атоса повернуться ко мне боком и придерживая его тяжёлую голову. Я осторожно просунула руку между прутьев ограды и прикоснулась к лохматой свалывшейся шерсти. Атос чуть повернул голову, наблюдая за мной, но даже не пытаюсь сопротивляться...

Через десять минут Он вывел меня к главной дороге через кладбище. Впереди горел огонёк в домике сторожа. Он легонько подтолкнул меня.

– Иди.

– А ты? – удивилась я. Он снова улыбнулся, но на этот раз – чуть печально.

– А я пойду к себе.

– А где ты живешь? – Только сейчас я осмелела настолько, чтобы задавать вопросы. Он, уже уходя, махнул рукой.

– За кладбищем.

Я постояла немного на дороге, глядя ему вслед. Потом повернулась и медленно побрела к домику у ворот. Атос шагал рядом, время от времени тычась мне в ладонь мокрым носом. У самого дома нам навстречу выскочили ещё две собаки – одна больше другой. Я опять испуганно замерла, но Атос вышел вперед и хрипло пролаял, словно знакомил меня с друзьями.

И тут же открылась дверь сторожки. На пороге стоял невысокий лохматый дяденька в спортивном костюме. Он удивлённо посмотрел на нас.

– Букет, это кого ты мне привёл? – спросил он, разглядев меня. Собака, конечно, промолчала. Зато ответила я.

– Его зовут Атос.

Дяденька посмотрел на меня как-то встревоженно и, схватив за руку, повёл к себе.

– Ну, рассказывай, как ты тут оказалась? – велел он, заходя в дом. Пока я говорила, он позвонил в милицию и рассказал обо мне. Утром меня отвезли домой.

Я видела Его еще два раза. Второй раз – когда снова сбежала из дома. В семь лет. Бабушка заболела и попала в больницу, и некому было остаться с моим братом. Мать решила забрать его к нам. Отец был против. Они снова ругались – долго и громко. Это было вечером, утром мне нужно было идти в школу, но они об этом и не вспомнили. А я никак не могла уснуть. Я снова собралась, на этот раз чуть тщательнее, и незаметно ушла. Сначала я собиралась отправиться в больницу – там сейчас был мой брат, вместе с бабушкой. Но потом передумала – в больницу ночью никого не пускали. И скорее всего, снова отправили бы меня домой.

Гулять по городу я побоялась. Поэтому снова отправилась на кладбище. Может быть, мне снова хотелось увидеть Его. Может быть – посидеть в уютной теплой сторожке, почёсывая за ухом Атоса и слушая бесконечные истории Николая Ивановича, кладбищенского сторожа.

Но когда я подошла к сторожке, свет в доме был выключен. У ворот появились собаки – Атоса среди них не было. Они облаяли меня, и я не решилась идти дальше. Я прошлась вдоль забора, как мне показалось, достаточно далеко. Пролезла между прутьями и побрела по кладбищу. На это раз мне почти не было страшно. Я не думала о собаках и привидениях. Я думала о том, когда это все закончится – ссоры родителей, болезнь бабушки. Когда мы с братом, наконец, сможем жить вместе. Ведь мы так друг друга любим...

Он появился передо мной так неожиданно, что я испугалась. Посмотрел на меня с ласковой улыбкой. Но спросил строго:

– Что ты здесь делаешь?

– Я ушла из дома, – честно ответила я. Он нахмурился.

– Дети не должны так делать. Тебя родители обижают?

– Да! – выпалила я, но тут же смутилась. – То есть – нет... Но я же не насовсем ушла. Только на ночь. Мне в школу завтра.

– Ты не должна сбегать из дома. – Он вдруг заговорил так же, как все взрослые. У меня было ощущение, что меня предали. Я обиженно надулась.

– Я не хочу домой. Они мне спать мешали своими криками.

– Они часто ругаются? – догадался Он. Я только кивнула. Он присел рядом со мной, положив руку мне на плечо.

– Все равно, не надо так. Они ведь тебя любят.

Тогда я была готова в это поверить. Такой удивительный человек, как Он, не мог ошибаться. Это потом я поняла, что ошибаться могут все.

– Я не хочу домой, – только и повторила я. И добавила: – Я хочу к брату.

– А где твой брат?

– В больнице. Бабушка заболела, а папа не хочет его забирать. Потому что он ему не сын. – Я даже не сомневалась, стоит ли рассказывать Ему

всё это. Конечно, стоит. Он некоторое время не отвечал, внимательно глядя на меня. Потом вздохнул.

– Пойдём, я отведу тебя к выходу. А то опять заблудишься.

Я не могла вернуться домой сейчас. Это было всё равно, если бы Колумб повернул назад в дне пути от Америки. Я вцепилась в его рукав.

– Нет, не надо! Можно я тут останусь? Хотя бы ненадолго! Пожалуйста!

– Но кладбище не место для маленьких девочек, – рассудительно сказал Он. Я упрямо тряхнула головой.

– Пожалуйста! Можно?

Он снова улыбнулся, и я сразу поняла – Он разрешит.

– Так и быть. Но утром я отведу тебя к сторожу. Хорошо?

– Конечно! – Я обрадовано обняла его за шею. Он смутился и отстранил меня. А я тогда заметила только одно – его кожа на ощупь была совершенно гладкой и не такой теплой, как у всех людей. Но я ведь знала тогда, что Он – не привидение. Привидение вообще нельзя обнять, у него нет тела.

Он отвел меня к ближайшей могиле и усадил на скамейку рядом с ней. Откуда-то выбежали две собаки – те самые, что облаивали меня у ворот. Он свистом подозвал их и представил мне:

– Это Рональд. – Он потрепал за ухо здоровую черную дворнягу. Другую собаку погладил по узкой провисшей спине. – А это – Артемиду.

– А здесь у всех собак такие имена?

– Какие?

– Красивые, – с удовольствием ответила я, почесав за ухом ткнувшуюся мне в колени Артемиду.

За час до рассвета Он, как и обещал, отвел меня к воротам. Даже не пришлось будить сторожа – я легко пролезла между прутьев забора и побежала по дороге к остановке. Он постоял немного, глядя мне вслед, а потом быстро ушел вглубь кладбища.

Я даже успела забежать домой за учебниками. Когда я вошла, родители еще спали. Они вышли, разбуженные моей вознёй, и даже удивились. Мама посмотрела на часы и воскликнула:

– Господи, Зоя! Время еще семь часов! Куда ты так рано собралась?

Она и не заметила капель дождя на моей куртке и грязи на моих ботинках.

Через несколько дней я пришла на кладбище снова. Уже специально, чтобы встретить Его. Я пришла рано утром, сказав маме, что у нас в школе праздник. И что вечером я задержусь у подруги. Она не стала меня расспрашивать.

Я бродила по кладбищу целый день. Иногда меня сопровождали Рон и Арти, так я сократила имена собак. Дедушка-сторож узнал меня, от него я узнала, что Атос умер год назад от старости. Николай Иванович закопал

его здесь же, на кладбище, и мне было приятно думать, что душа доброй собаки, может быть, за мной наблюдала.

Но чаще я ходила одна. Рон и Арти не уходили далеко от ворот, строго соблюдая свои обязанности. Я же, наверное, несколько раз обошла кладбище за этот день. Но Его так и не встретила. Он говорил, что живёт за ним. Я даже обошла весь периметр вдоль забора. Но не увидела никаких домов.

Но я была настроена увидеть Его во что бы то ни стало. Я ведь даже не подумала, что в этот день Его просто могло не быть на кладбище. Что он мог заболеть, заняться своими делами или уехать куда-то...

Под вечер я так устала, что не могла больше ходить. Я устроилась на скамейке перед могилой, кажется, той самой, что и несколько дней назад. Начинили сгущаться сумерки. Я им только радовалась – ведь до этого я встречала Его только ночью. Может, и в этот раз случится так же. Я оказалась права.

Он появился сразу после заката. Когда я потом прочитала книгу о вампирах, я сразу вспомнила об этом. Он тоже появлялся только в темноте. Уж не был ли Он вампиром? Конечно, нет. Вампиры не бывают такими добрыми, как Он. Хотя в тот раз он добрым вовсе не был.

Наверное, Он уже знал, что я жду его. Потому что Он вышел прямо ко мне и сразу спросил:

– Ты снова ушла из дома?

Я покачала головой.

– Нет, я пришла к тебе.

Он долго молчал, как-то странно на меня глядя. В его взгляде были и радость, и грусть одновременно. Потом Он вдруг шагнул ко мне, и опустился передо мной на одно колено.

– Я рад, – тихо сказал он, беря меня за руку и целуя ее. Прямо как рыцари в сказках. Но потом он резко поднял голову и заговорил строгим, неожиданно грубым голосом:

– Но запомни одно. Теперь ты больше никогда не должна приходить сюда.

– Никогда-никогда? – Даже в семь лет я плохо понимала смысл этого слова. Он отрывисто кивнул.

– Можешь приходить днем. Никогда не приходи сюда ночью, ты поняла?

Он говорил таким же голосом, как мой отец. «Никогда больше так не делай, поняла?!» Я заплакала. Я уже давно не плакала – для семилетнего ребенка. Мать ненавидела слезы. Но тогда не смогла сдержаться. Я заплакала и попыталась обнять его, но он грубо отстранил меня и повторил.

– Запомни – никогда не приходи сюда ночью.

Он встал и направился прочь. Лишь на секунду он остановился и бросил через плечо.

– Иди домой, пока не очень поздно. Собаки тебя проводят.

И исчез. Я действительно Его больше не видела. Я решила, что у Него был веский повод так говорить. Иначе Он ничем не лучше других взрослых. А этого я принять не могла.

Арти носом ткнула мне в бедро, словно подталкивая, а Рон уже затрусил в сторону ворот, тихо ворча что-то самому себе...

Я послушалась Его, но вскоре мне пришлось побывать на кладбище снова. Правда, днем.

Бабушка так и не выздоровела. Её хоронили на том же кладбище – единственном в нашем городе. Причём в самой старой его части. Городские власти решили использовать места, где были самые старые могилы. Там часто даже надгробий не оставалось, а те, что оставались, тайком выкапывали и уносили куда-то. Я заметила это в день последней встречи с Ним. Места там были гораздо дешевле, а отец заявил, что у него «не так много денег, чтобы эта старуха заработала на нём даже после смерти». Мама была против, но ничего не сказала.

Когда похороны завершились, родители решили проведать могилу другой моей бабушки – по отцу. Она располагалась в более престижном месте. И вот по пути туда я увидела эту статую.

Это была статуя в человеческий рост, изображавшая ангела. Ангел стоял, сложив руки на груди, словно обнимая себя, и с надеждой смотрел в небо. Крылья, сложенные за спиной, достигали земли. Это была очень старая статуя, она уже потрескалась и местами раскрошилась, на ней были следы не слишком тщательно отмытых надписей, но она выглядела чистой и опрятной. Наверное, кто-то приходил сюда довольно часто.

Родители ушли далеко вперед, забыв обо мне, а я разглядывала каменного ангела и думала, что он кого-то мне напоминает. И только когда брат заметил моё отсутствие и издалека позвал меня, я поняла – кого. Нет, не брата. А Его. Только у ангела лицо имело совсем другое выражение. Печать боли и надежда – вот что было на его лице. Каменные глаза без зрачков смотрели в небо, губы неведомый мастер сложил в печальную полуулыбку. Наверное, так мог выглядеть мученик во время молитвы.

Я не могла надолго здесь задержаться. Я поспешила за родственниками, думая о Нём и об этом ангеле. Может быть, это могила Его родственника? Мне часто говорили, что я похожа на бабушку. А он мог быть похож на дедушку. Или прадеда, ведь памятник казался очень старым...

После бабушкиной смерти отцу пришлось забрать брата к себе. И мне стало легче. Был кто-то, кто мог утешить меня. И кто сам нередко нуждался в утешении. Теперь мне не было нужды ходить на кладбище. Я всё реже вспоминала о Нём. Лишь иногда, посещая могилу бабушки, я ходила к тому памятнику. Смотрела на него, мечтая однажды встретить

Его снова. И, наконец, разузнать, почему он меня прогнал. Но потом случилось то, из-за чего я снова стала нуждаться в нём. Даже больше, чем тогда, в детстве.

Бабушкин дом в поселке по завещанию доставался брату. Родители продали его и купили Артему квартиру. Он перебрался туда, когда ему было шестнадцать, а мне – двенадцать. Мать, как обычно, не обратила на это внимания, а отец даже вздохнул с облегчением. Они с мамой никак не мирились. Кажется, они ругались со дня своей свадьбы. Я даже знаю – почему.

Мать родилась в деревне. И не хотела умереть там же. Уехав в город учиться, она быстро поняла, какой жизни хотела. Красивой. Богатой. Роскошной. Но она не была готова работать ради этого. Она надеялась удачно выйти замуж, и делала для этого всё. Её очередная жертва, немолодой уже мужчина, владелец большого магазина, узнав, что она ждёт от него ребёнка, сделал ответный сюрприз. Он оказался женат и уже имел двоих детей. Матери пришлось рожать одной. Может быть, она даже любила Артема. Но красивую жизнь она любила больше. Поэтому, когда появился Олег, ее будущий муж и мой отец, она спланировала сына к бабушке. А, убедившись, что Олег холост, повторила операцию – родила меня.

Отец узнал об Артеме через два года после свадьбы, когда мальчик серьёзно заболел и ему потребовалась операция. Он не признал сына и не развёлся с мамой только из-за своих родителей – строгих и влиятельных людей, не терпевших такого отношения к семье. Меня же он тогда возненавидел. Потому что только я мешала ему стать свободным, потому что мной его привязали, как веревкой. Через какое-то время я даже начала его понимать.

Родителям было мало дела до меня. Для матери я выполнила свою задачу, для отца... Ну, я уже сказала. Поэтому меня просто убрали с глаз долой – отдали в элитный лицей, записали в художественную и музыкальную школы, в танцевальный кружок. Из меня делали настоящую леди, наверное, надеясь использовать меня в будущем – для удачного и полезного замужества...

Я долго не догадывалась об этом. И была только рада как можно меньше времени проводить дома. Когда Артем переехал к нам, родители тоже подумывали занять его чем-нибудь. Но у него был слишком сложный характер, который принято называть «переходным периодом» и «подростковым максимализмом». К слову сказать, характер его с возрастом совсем не изменился.

Отчаявшись получить от брата какую-то выгоду, родители просто махнули на него рукой. Сделали ему личный набор ключей, позволяя уходить и возвращаться когда угодно, не ночевать дома. Я только слышала, как отец однажды сказал ему:

– Если что-то из дома пропадёт – отправлю тебя в колонию для несовершеннолетних.

А еще он жёстко пресекал всё, что могло испортить его репутацию. Отец очень дорожил своей репутацией – ведь он работал в мэрии города и даже мечтал стать когда-нибудь мэром...

А в день шестнадцатилетия Артема он просто бросил на стол ключи, папку с документами и сказал:

– Проваливай.

И Артем переехал. К счастью, мы с ним были по-прежнему дружны, а жил он не слишком далеко. Так что теперь, когда мне не хотелось оставаться дома, я ехала к нему. Он занимался музыкой, учил играть меня на пианино, оставшемся от бабушки. Потом купил себе синтезатор. Я дарила ему книги с нотами, диски с записями классики и его любимыми группами. Он включал их, и мы садились на диван, пили чай и разговаривали. Чем старше мы становились, тем серьёзнее были темы для бесед.

– Уеду я отсюда, – решительно заявил он, когда я пришла поздравить его с совершеннолетием. У него почти не было друзей, и в тот раз мы были одни. Я даже прогуляла школу, чтобы поздравить его, хотя за это дома меня ждал скандал.

– Обязательно уеду. – Он задумчиво посмотрел в окно поверх моей головы. А я вдруг испугалась. То есть как – уедет? А я? Что же я буду делать здесь одна? Я так и спросила.

Артем грустно улыбнулся, обнял меня и прошептал, зарывшись лицом в мои волосы.

– Куда же я от тебя денусь... Не бойся. Я уеду не завтра, через год, может, через два... Как накоплю денег. Ты тогда будешь уже взрослая.

– Но я же...

Он осторожно прижал ладонь к моим губам, не давая закончить.

– Я уеду, а когда устроюсь, заберу тебя отсюда. Ты умница, сможешь устроиться где угодно.

– А родители? – Я плохо представляла жизнь без них, без их власти и постоянного присутствия. Артем улыбнулся:

– Им точно хуже не станет.

Мы немного помолчали. Я вертела в руках кружку с чаем, а он листал подаренную мной книгу. Потом я спросила:

– И куда ты хочешь уехать?

– Не знаю, – пожал плечами он. – Может быть, в Питер. Там красиво. И музыкантам там проще. Я же хочу музыкой заниматься, как профессионал.

– С чего ты взял, что проще? – засомневалась я.

– Не знаю. По мне – так хуже, чем здесь, уже нигде не будет. А в Питере уж тем более.

Я не могла не согласиться. Мне тоже не нравился этот город – не только потому, что здесь родители. Здесь всё было мрачным, угрюмым и каким-то безжизненным. Здесь было душно и скучно. И даже в солнечные дни здесь была плохая погода. А ещё здесь был Он...

Я вспомнила о Нём так внезапно, что сама себе удивилась. Я давно о Нём не вспоминала. Даже на ту безымянную могилу с каменным ангелом совсем перестала ходить. Артем, кажется, заметил, как я погрузилась. Снова обнял и потрепал по голове.

– Не грусти! У меня сегодня праздник, в конце концов... Не думаю, что ты пропустила занятия для того, чтобы сидеть здесь и хандрить. Так что давай, садись за синтезатор и покажи, как ты выучила мой прошлый урок!

Я была рада отвлечься от этих мыслей.

Но не смогла. Ночью мне приснилось, что я брожу по кладбищу, причём я знала, что сейчас ночь, хотя вокруг было светло. За мной по пятам ходил Атос, облизывал мои ладони, совсем как раньше. Иногда мимо проходили какие-то люди, похожие на маму, Артема, Николая Ивановича... Последних, почему-то, было больше всего.

А потом я вышла к тому месту. Я сразу узнала его, хотя памятника больше не было. Вместо него в земле темнела большая дыра, уходящая, казалось, к самому центру планеты. Я даже видела отсветы в глубине – только они были бледно-синими и холодными.

Проснувшись, я не могла думать ни о чём другом, кроме каменного ангела. Он ведь стоял в самой старой части кладбища, и его могли запросто выкопать, как это случилось в моём сне. Я едва дотерпела до конца уроков и, наплевав на свои студии и кружки, помчалась на кладбище. Было очень страшно от мысли, что его там уже нет... Ни Его, ни ангела...

Николай Иванович не узнал меня, когда я промчалась мимо. Не узнали и собаки – теперь это были уже другие; Рон и Арти, наверное, тоже уже состарились и умерли. Я не остановилась поздороваться. Сейчас гораздо важнее было успеть... Словно я что-то обещала, а теперь опаздывала с выполнением обещанного. Это было глупо, но тогда я об этом совсем не думала.

Я остановилась, задыхаясь от бега, на краю небольшой полянки. Той самой. Ангел стоял на месте, не окружённый даже декоративной оградкой, такой несчастный и беззащитный. Похоже, его давно не навещали. Я подошла ближе, встала на цыпочки, заглядывая в каменное лицо. От прошедшего недавно дождя на нём оставались светлые разводы, и казалось, ангел недавно плакал. Я достала платок и попыталась вытереть его. Но пришлось сбегать за водой, захватив с собой случайно найденную бутылку, чтобы хоть немного привести его в порядок. Чтобы

смыть грязь со всей статуи понадобилось бы десять таких бутылок. И сто платков.

Я решила, что обязательно приду сюда снова. Как можно скорее. Принесу с собой всё необходимое и хорошенько вымою статую. Если уж никто другой не позаботился об этом...

Я вспомнила Его. И Его наказ не приходить сюда ночью. Мне очень хотелось его нарушить, но я сдерживала себя. Если Он сказал, что нельзя... Что ж, значит, нельзя.

Обратно я шла не торопясь. Заглянула на могилу к бабушке, поправила букетик искусственных цветов, всегда стоявший здесь. Мама приходила сюда всё чаще, и каждый раз с ней случалось нечто странное – она раскаивалась за свое отношение к матери, к Артему, ко мне. Она плакала и молилась, но стоило ей вернуться в город, все проходило. Она снова становилась такой, какой я её знала.

Она никогда не ездила сюда с отцом.

У ворот я задержалась, чтобы поздороваться с охранником.

– Добрый день, Николай Иванович! – вежливо сказала я, не решаясь подойти слишком близко. Между мной и гревшимся на солнце старичком сидели обе собаки. Одна из них, заметно растолстевшая, явно была беременна. Старик повернул ко мне голову и прищурился.

– Добрый... А мы разве знакомы?

– Знакомы, Николай Иванович, – вежливо сказала я. Он покачал головой, виновато улыбнувшись.

– Не припомню что-то.

– Я, когда маленькая была, на кладбище заблудилась. Меня к вам Атос привел.

Он вскочил, переполошив собак.

– Зоя? – Я кивнула. Он расплылся в улыбке. – Ну точно, Зойка! Взрослая совсем стала... Давно тебя не было видно. – Он усмехнулся. – Только оно и к лучшему. Незачем живым часто здесь бывать.

Я подумала, что он-то живет здесь постоянно. Николай Иванович подошел ко мне, любуясь, как мог любоваться мой родной дедушка.

– Зайдешь чайку попить? Расскажешь, как живешь. Ты в каком классе-то сейчас?

– В девятом. – Я тоже не сдержала улыбки. – Только мне сейчас на занятия бежать надо. Я к вам еще зайду, в выходные.

– Ну, заходи, заходи, – закивал он. Наверное, ему было одиноко здесь, совсем одному, с собаками. Я уже уходила, когда он спросил вслед. – А ты что, навещала кого?

– Ага, – кивнула я. – Навещала... родственников.

Он довольно улыбнулся. Хорошо, когда дети не забывают своих предков.

Я стала ходить на кладбище каждую неделю. В субботу, после занятий, я подходила к сторожке, и собаки уже узнавали меня. Николай Иванович звал их просто – Чапа и Серый. Я не удержалась и про себя дала им другие имена, какие мог дать Он. Чапу окрестила Селеной, а Серого – Вильямом. Почему-то он напоминал мне портрет Шекспира, висевший в кабинете литературы в школе.

Сперва я шла к бабушкиной могиле, поправляла цветы, ставила свечку, но надолго не задерживалась. Гораздо больше времени я проводила возле ангела. Иногда я приносила воду и тщательно смывала с него грязь, потом убирала мусор со всей полянки. Приносить церковные свечи или цветы я не решалась. Только один раз, весной, принесла букетик первоцветов. Я положила их на скрещенные руки ангела и пошла за водой, но когда вернулась, их там уже не было. Наверное, их унесло ветром и разбросало по всей поляне. Я не стала их собирать.

А потом я шла к Николаю Ивановичу и сидела у него до самого вечера. Он рассказывал мне много интересных историй, даже кое-чему учил – маленьким премудростям, совсем забытым в наш век высоких технологий.

Мне тоже было что рассказать – ведь старик почти куда не ходил, у него не было телевизора – только старенькое радио. Разузнав, когда у него день рождения, я подарила ему новый приемник. Он даже прослезился от радости.

Я носила ему газеты и сладости, он поил меня крепким чаем. Я познакомилась с его внуком – парнем, на пару лет постарше меня, Игорем. Мы начали собираться втроем. Я подумывала как-нибудь позвать с собой Артема, но он в последнее время был слишком занят – зарабатывал деньги на переезд в Питер. А ведь ему было нужно ещё и учиться, чтобы поступить там в институт.

С Игорем мы быстро подружились. Николай Иванович лишь умиленно наблюдал за нашими беседами, наверное, уже что-то придумав у себя в голове, как это бывает со старыми людьми. Я делала вид, что не замечаю его довольных улыбок. Мы с Игорем были просто друзьями.

Он всегда провожал меня на автобус, даже если мы не задерживались у Николая Ивановича допоздна. Пытался даже провожать до дома, но я не согласилась. Представляю, что бы сказал на это мой отец... «А что это за мальчик? Сын какого-нибудь бизнесмена?» – спросил бы он. И что бы я ответила? «Нет, папа, он внук кладбищенского сторожа. Что я делала на кладбище? Ухаживала за неведомо чьей могилой...»

Мы с Игорем сближались все больше, но я никогда не приглашала его с собой на могилу бабушки. А уж к моему каменному ангелу – тем более. И про Него я рассказывать не собиралась. Я даже Артему о Нём не расскажу. Это будет мой секрет.

– Я все равно уеду! – прокричал Артем, стуча кулаком по стене. На его ладонях уже была кровь, но он не замечал. Я стояла в коридоре, едва не плача, и совершенно не знала, что делать. Я впервые видела его пьяным. Я вообще раньше пьяных людей почти не видела. Только на улицах. Правда, в последнее время начала пить мама, но она никогда не кричала, не ругалась – запиралась в ванной и тихо плакала. На всякий случай, я прятала все ножницы и бритвы, когда она приходила домой с бутылкой в руках.

Раньше Артем почти не пил. Я ни разу даже не слышала об этом. Но сейчас он был пьян – вдрызг. Он плакал, молотил кулаками в стену и ругался матом, даже не замечая моего присутствия. Я не понимала, что могло так расстроить или разозлить человека. Тем более, в его день рождения. Тем более, Артема.

Мне с трудом удалось поймать его руки, иначе он бы просто переломал себе пальцы. Мне пришлось почти повиснуть на нём, чтобы хоть как-то остановить. Он был гораздо сильнее меня. Но алкоголь отнимал силы. Мне кое-как удалось отвести его в комнату и усадить на диван. Он плакал, закрыв лицо руками, а я гладила его по голове, ничего не понимая.

Только через час мне удалось, наконец, выяснить, что накануне его приятель разрешил Артему прокатиться на новеньком мотоцикле – в честь дня рождения. Ребята уже немного выпили, но не настолько, чтобы терять контроль над собой. Но Артем в какой-то момент не справился с управлением. Он едва не вылетел на тротуар, где шли пешеходы, и, чтобы избежать несчастного случая, ему пришлось пожертвовать мотоциклом. Байк разлетелся на куски, влетев в стену дома. Артем успел спрыгнуть с него за секунду до этого, потому и остался цел.

Но эта поездка стоила ему всех сбережений – и это была только малая часть долга за разбитый мотоцикл. Друг оказался вовсе не таким уж другом. Он требовал деньги, не гнушаясь даже угроз. Артем не представлял, где взять денег.

Я ничем не могла ему помочь. А услышав цену мотоцикла, я сама едва не заплакала. Было понятно, что ближайшие годы Артем не сможет никуда уехать.

Я осталась у него на ночь, а утром кинулась домой. Была суббота, но я и не вспомнила о своих еженедельных походах на кладбище. Сейчас мне было не до того.

Дома я переверорошила все свои вещи. У меня было немного украшений, подаренных мне на дни рождения. Золотые серьги, кольцо и серебряная подвеска. Родители во всём поддерживали свою репутацию. Думаю, они бы с удовольствием написали бы на мне – «эта умная, красивая, воспитанная девочка – дочь Олега Перепелко. Посмотрите, какая она хорошая. У Перепелко все хорошее». Примерно так.

Я этих украшений почти не носила, но родители строго следили даже за такими вещами. Иногда, на семейных праздниках, я была обязана носить что-нибудь из этого. Я сгрэбла украшения в карман и понеслась обратно к брату.

– Держи, – выпалила я с порога, протягивая ему украшения. Он опешил.

– С ума сошла?! – чуть ли не закричал он. – Да родители тебя прибьют, если узнают!

– Плевать, – упрямо ответила я. – Здесь, конечно, не так много, но ты уже отдашь большую часть.

– Да ни за что! – Он даже спрятал руки за спину. – Не надо мне помогать, я сам справлюсь.

– А как же Питер? – удивилась я. Впрочем, я ожидала такой реакции. Но надеялась его убедить. Он отмахнулся.

– Потерплю. Стоял столько лет, и еще простоит.

– Все равно. Лучше уехать через год, чем через пять лет.

Он посмотрел на меня исподлобья, и у меня появилось ощущение, словно при взгляде в зеркало. Мы, наверное, сейчас были очень похожи. Стояли, набывчившись и сверля друг друга взглядом. Он снова покачал головой и произнес раздельно:

– Даже не думай. Я их не возьму.

Я пожала плечами.

– Тогда я сама их продам, и тогда тебе останется только забрать деньги.

– У тебя их никто не купит, – с усмешкой отозвался он. – Решат, что ты их украли. И отведут тебя к родителям. Представляешь, что они на это скажут?

– А я в ломбард не пойду. – Я попыталась довести его угрозами. Это подействовало, но не так, как я ожидала.

– И получишь за них копейки. Если вообще что-нибудь получишь. А то, гляди, и тебя саму продадут.

Я обиженно поджала губы.

– Так ты их не возьмешь?

Он развел руками. Потом подошел ко мне, обнял и сказал совсем тихо:

– Не грусти. Прорвемся. Мне и без Питера хорошо, если ты рядом. А украшения оставь – они тебе идут, сестрёнка.

Я понимала, что он прав. Но согласиться никак не могла. Поэтому честно сказала:

– Если что, скажи мне. Мне для тебя ничего не жалко.

Я просидела у него до самого вечера. В пять часов, когда я обычно приходила на кладбище, зазвонил мой сотовый. Это был Игорь. Мы с ним уже давно обменялись номерами, но повод позвонить появился только

сейчас. Я быстро объяснила ему, что сегодня не приду. Когда я положила трубку и подняла голову, меня встретил любопытный взгляд Артема.

– А кто это был? Твой молодой человек?

– Всё-то тебе надо знать! – Я не удержалась и показала ему язык. Он накинул на меня с наигранной злостью.

– Ах так! Не делишься с братом? Ну-ну, потом и приходиться перестанешь! Вот так из-за всяких парней и разваливаются родственные отношения!

Я так же театрально возмутилась:

– Игорь – не всякий!

– Ага, Игорь значит. – Артем довольно улыбнулся. – Ну, так что, он тебе в любви уже признавался?

– Артем, перестань! – Я покраснела. Так бывает всегда, когда кто-то угадывает твои самые тайные и, как правило, самые нелепые фантазии. Естественно, брат это заметил. Его улыбка стала еще шире.

– Так да или нет?

– Да! – брякнула я, рассмеявшись. Потом опомнилась и добавила серьёзной. – То есть, нет... Я не знаю.

– Ясно, – тоном опытного человека сказал Артем. – Давай, рассказывай по порядку, почему я еще не в курсе?

Я не рискнула рассказать ему правду. Не всю. Он, конечно, знал, что в детстве я сбегала на кладбище. Я сказала, что там и познакомилась с Николаем Ивановичем, – ведь это была правда. И что теперь я просто навещаю одинокого старика. Это тоже была правда, пусть и не вся. Про ангела я так и не рассказала.

Артем все время подшучивал надо мной, но слушал внимательно и даже иногда давал советы. Тогда мне казалось, что все будет хорошо. Действительно, какая разница – здесь или в Питере? Главное, я рядом с братишкой.

Почти два месяца я в это верила. Я продолжала ходить на кладбище, и понемногу мои мечты становились реальностью – Игорь был уже больше, чем просто друг. Хотя мы не торопились. Николай Иванович только довольно шутил светлые глаза и подшучивал, в точности, как Артем, когда я пересказывала ему наши с Игорем разговоры.

А потом наступила зима.

Я никак не могла понять, что случилось. В доме были какие-то незнакомые люди, их было много, они о чём-то говорили, а я никак не могла понять о чём. Мать лежала на диване, опять пьяная, она плакала и кричала, кидалась подушками в подходящих к ней незнакомцев. На меня поначалу даже не обратили внимания. Я незаметно пробралась в кабинет отца, надеясь, что он там и что он мне всё объяснит.

Отец действительно был у себя. Но не один. Рядом с ним сидел седой мужчина в милицейской форме. Я сразу насторожилась. Отец глянул на

меня, и я вздрогнула. Я первый раз видела его таким... растерянным. Он долго смотрел на меня, не замечая вопросительного взгляда милиционера. Потом сказал безжизненным голосом.

– Это Зоя. Моя дочь.

Милиционер посмотрел на меня почему-то с жалостью и встал.

– Думаю, вам лучше самому об этом ей сказать.

Он направился к выходу, но отец его остановил.

– Лучше вы.

– Я понимаю, – вздохнул тот. И повернулся ко мне. – Зоя... Постарайся не волноваться, но... – Он чуть замялся. Я почувствовала, как в груди расплывается мертвящий холод.

Почему-то я сразу подумала про дедушку – папиного отца. Может быть, с ним что-то случилось? Или нас ограбили? Может, у отца неприятности на работе? Милиционер снова вздохнул и закончил:

– Зоя, твой брат умер.

Я ничего не ответила. Даже не моргнула. Эти слова просто отскочили от меня. Я им не поверила. Да как вообще можно поверить в такое? Это же бред!

– Это бред! Вы все сошли с ума! Этого не может быть!

Я ходила кругами по тесному кабинету, глядя под ноги и повторяла.

– Бред, бред, бред! Чушь!

Я даже говорила такие слова, какие при отце никогда не осмелилась бы сказать. Милиционер молча стоял в углу, не решаясь меня остановить. Терпение отца лопнуло раньше.

– Зоя! – рявкнул он. – Замолчи! Это правда! Твой брат покончил с собой: вскрыл себе вены и умер! Ты слышишь!

– Сам замолчи! – закричала я. – Ты не знаешь, о чём говоришь! Ты его вообще не знаешь! Артем не такой, он так не мог! Он сильный!

– Зоя... – наконец подал голос милиционер. Я наорала и на него. Взрослый, седой мужчина отступил, опустив голову. На наши крики сбежалось сразу несколько человек. Какая-то женщина в строгом костюме подошла ко мне и начала нести какую-то чушь.

– Зоя, Зочка, не кричи... Пожалуйста, постарайся успокоиться...

Я посмотрела на неё, как на сумасшедшую.

– Мне очень жаль, но это правда...

– Жаль? – Я рассмеялась нервным, истеричным смехом. – Да ни черта тебе не жаль! Плевать тебе, вот что! – Я на секунду замолчала, обводя всех взглядом. У меня кружилась голова, бешено билось сердце. Я плюнула под ноги отцу. – Да катитесь вы все куда подальше...

И вышла, растолкав столпившихся в дверях. Меня пытались остановить, но я вырывалась. Я забежала в свою комнату и хлопнула дверью.

– Даже не вздумайте сюда заходить! – крикнула я через дверь. Никто мне не ответил. Та женщина пыталась поскрестись ко мне, но я включила

музыку, надела наушники и врубила громкость на полную. Наверное, они боялись, что я тоже с собой что-нибудь сделаю. Смешно – они боялись, а отец – нет.

Они всё-таки зашли. Я сидела на кровати, не глядя на них и ничего не слыша за громкой музыкой. Убедившись, что я не пытаюсь порезать себе вены или выпрыгнуть в окно, они оставили меня в покое. Правда, дверь осталась открытой, и кто-нибудь поминутно заглядывал в комнату.

Дни, когда готовились к похоронам, я провела, как во сне. Я не ходила в школу, я вообще не выходила из дома. Целые дни напролет сидела в комнате, слушая музыку. А ночами бродила по квартире, как Кентервильское привидение, пока отец однажды не наорал на меня, за то, что я мешаю ему спать.

Мать была похожа на меня, как никогда. Она почти не разговаривала, лежала в постели, бледная и исхудавшая, словно и сама была при смерти. За все эти дни она не пила. Не пила она и после похорон. Я не смогла себя заставить поехать туда. Не могла увидеть, как Артема опустят в землю и закопают.

Однажды утром я проснулась с мыслью – почему? Неужели всё из-за того мотоцикла, из-за денег. Может, ему так невыносимо было оставаться здесь, что даже я не смогла его удержать? Или было что-то, о чём я не знала?

Это было через сорок дней после похорон. Я уже вернулась в школу, но всё равно – меня там не было. Я молчала, не понимала ничего, что мне говорили, не слышала, когда меня называли по имени.

А в то утро, когда я спросила себя – почему? – словно лопнул какой-то кокос. Я пришла в себя. И твердо решила во что бы то ни стало уехать в Питер. Хотя бы я... Это было и предательством тоже. Ведь Артем теперь навсегда останется здесь, а я уеду. Как я смогу уехать? Бросить его здесь?

Когда я пришла в себя, я выяснила, что отец уже продал квартиру Артема. Из всех его вещей я успела спасти только синтезатор. Пусть стоит у меня, я буду учиться играть, может быть, начну заниматься музыкой профессионально. Это тоже было предательством. Я воровала у брата мечту.

Мать стала похожа на безумную. Однажды она пришла ко мне ночью. Разбудила меня, перепугала до смерти. Она плакала, как маленький ребёнок. Просилась ко мне в кровать. Я узнала, что уже несколько лет ей снится бабушка. Бабушка ругает её, плачет и просит одуматься. А теперь ей приснился Артем...

Я пустила её к себе, обняла, но не могла утешить. Эта женщина, лежавшая рядом со мной, родившая меня и воспитавшая меня, была мне чужой. Я так и не уснула той ночью. Утром мать ушла куда-то и

вернулась домой только ночью. Пьяная вдрызг. И продолжала пить еще полгода.

Всё это время я не была на кладбище. Но в очередную субботу я решила, что было бы неплохо навестить Николая Ивановича и моего каменного ангела. Я знала, что Артема похоронили рядом с бабушкой. Я ещё долго не смогу там появляться.

Я не знала, искал ли меня Игорь. Может быть, искал. Я не прикасалась к телефону с того самого дня. Надеюсь, он не забыл обо мне. Может быть, сегодня мы встретимся.

Я почувствовала сильное желание увидеть его. Убедиться, что остался хоть кто-то близкий мне, тот, кому я нужна. Он, наверное, с ума сошел, когда я пропала.

Я быстро собралась и поехала на кладбище. У ворот меня встретили Вильям и Селена. Вокруг Селены уже вились подросшие щенки. Я еще не дала им имена. Один, самый резвый, с пушистой золотистой шерстью, ткнулся мне в колени носом. Я присела, глядя его. И сказала тихонько:

– А тебя я назову Аполлон.

Щенок звонко твякнул.

В домике раздались шаги. На крыльце возник Николай Иванович. Едва завидев меня, он сбежал с крыльца и распахнул объятия.

– Заенька, да где ж ты пропадала?

Мы зашли в сторожку. Я села на своё обычное место, но мне было как-то неуютно. Я не знала, что сказать. Что спросить. Он начал разговор сам.

– Я тут это... твоих недавно видел. На поминки приезжали.

Я опустила голову. Ну, что ж, по крайней мере, он знает, почему меня так долго не было. Конечно, он же всё тут знает. И Игорю, наверное, рассказал. Николай Иванович не стал меня спрашивать. Разговор никак не клеился. Уже уходя, я решила спросить про Игоря. Николай Иванович нахмурился.

– Так это, учится он. Сессия сейчас, вроде. Занят очень. Ты еще приходи, может застанешь.

Мне почудилась неуверенность в его голосе. Я насторожилась.

– Но с ним же всё в порядке?

– Конечно-конечно, – заверил меня старик. Я поверила ему. Попрошалась с ним, с собаками. На прощание Николай Иванович предложил:

– Хочешь, щенка заберу? Мне здесь все равно столько ни к чему. Не прокормишь.

Я оглядела щенков. Аполлон снова оказался самым резвым. Я подхватила его на руки.

– Заберу, – кивнула я, хотя знала, что отец не любит собак. Ничего, потеряет. А вообще, было бы неплохо уйти от них, обзавестись своим

жильём. Вот только не хотелось бросать учебу. А для работы времени оставалось слишком мало.

По пути домой моя мысль сформировалась окончательно. Зайдя в квартиру, я сразу прошла к нему в кабинет, не обращая внимания на возмущенный взгляд, усадила щенка прямо на письменный стол и изложила свои идеи. Отец нахмурился.

– Что ж, пускай...

Я знала, что имела право на эту квартиру. Деньги, полученные с продажи Тёминой однёшки, не могли принадлежать отцу. Он не имел к этим деньгам никакого отношения. Матери было всё равно. Так что я могла рассчитывать на собственное жильё в ближайшее время.

Я понемногу начала приходить в себя, особенно когда возилась с Аполлоном. И, наверное, поэтому долго не замечала происходившего вокруг. Но все опять изменилось, когда отец отдал мне ключи от новой квартиры. Мать, видевшая это, удивилась.

– Эт-то что? – спросила она пьяным голосом. В последнее время она всегда была пьяной, часами рыдала в ванной. Отец не выпускал её из дома, забрал ключи, но она умудрялась напиваться. И плакать в ванной. Увидев ключи в моих руках, она подняла на меня мутные от алкоголя глаза.

– Т-ты что, т-тоже от меня... сбегаешь? – заикаясь, спросила она. Я не знала, что ей ответить. Да ответ и не требовался. Она продолжила сама, укоризненно протянув:

– Ну во-от, родная дочь м-меня бросает! Все меня брос-сают! Все! – Она начала плакать. – Правильно, т-так мне и надо, с-суке! Т-так и надо. Бросайте м-меня, сволочи! Пред-датели!

Отец лишь брезгливо скривился и вышел. А я не могла так уйти, хотя мне очень хотелось. Я не любила пьяных людей. И эта женщина, которую я уже не могла назвать матерью, не содрогнувшись в душе, была ничем не лучше других. Она словно почувствовала это.

– Да, я плохая мать! Плохая! Я всем плохая! Даже тебе до меня дела нет! А мне, может быть, плохо!

– Мама... – Я пересилила себя, но она уже не слушала.

– Да ну вас к чёрту! Я сама вас всех брошу! Не нужны вы мне!

Она схватила свою сумку и кинулась в ванную. Я не успела её остановить. Дверь захлопнулась прямо перед моим носом. Я только пожала плечами. Это было уже привычным. Вместо того, чтобы уговаривать её и утешать, я отправилась к себе и попыталась уснуть. Среди ночи меня разбудил грохот и крики отца:

– Оксана! Открой немедленно, чтоб тебя! Слышишь? Открой, я сказал!

Я побежала к нему. Он стоял в коридоре, стуча тяжеленным кулаком по двери ванной комнаты. Оттуда доносился только плеск воды и слабые всхлипы. Отец продолжал орать:

– Если ты сейчас же не откроешь, я выломаю дверь, и тогда уже пеняй на себя! Ты меня слышала? Оксана? – Ответа не последовало, и он последний раз пнул дверь. – Ну, смотри сама.

Он ушел и вернулся с отвёрткой в руке. Он не собирался из-за напившейся жены ломать всю дверь. Решил обойтись одним замком. Замки у нас в ванной стояли чисто символические, так что много времени это не заняло. Но когда дверь распахнулась...

Меня словно парализовало. Я лишь отступила на шаг, не давая забежать в ванную любопытному Аполлону.

Мама полулежала на полу, прислонившись спиной к унитазу, и тихо плакала. Плакать громко сил у неё уже не было. Силы вытекали вместе с кровью из порезанного запястья. Ее руки были исполосованы, причём под свежими шрамами угадывались и другие – уже зажившие, не такие глубокие. В чувство меня привел отец:

– Быстро за аптечкой! И вызови скорую! – Я кинулась выполнять указания, когда вслед мне донеслось. – И шавку свою убери!

Дома я больше не появлялась. Звонила каждый день, спрашивала, как там мама. Мне было сложно делать даже это. Хотелось вообще забыть о существовании таких людей, как мои родители. Отец был больше занят своей карьерой – новость о том, что его жена попыталась свести счеты с жизнью, как и его сын полгода назад, ничего хорошего для отца не сделала. Разве может быть у будущего мэра семья из сплошных самоубийц?

Как потом выяснилось, она уже давно носила в сумочке нож. Она несколько раз пыталась покончить с собой, но каждый раз пугалась, и успевала сама остановить кровь. В этот раз понадобилась помощь врачей. Она быстро пришла в себя, и её отправили домой. Как только она вернулась, я переехала на свою новую квартиру.

Я жила одна, и это было прекрасно. Целую неделю я жила одна. Аполлон был прекрасной собакой – не назойливой, смысленной, чистоплотной. Я только радовалась, что выбрала именно его. Без него я бы давно сошла с ума.

Прошла неделя – наступила суббота. Я поехала на кладбище.

Но даже до ворот не дошла. На дороге, ведущей к кладбищу, я увидела Игоря. Он сильно изменился за это время. Но я его узнала. Он шёл мне навстречу, а рядом, держа его за руку, шла девушка. И это явно была не сестра или подруга...

Он заметил меня издалека. И помахал мне рукой. Я не пыталась свернуть или пройти мимо. Он даже представил меня:

– Это Зоя. А это – Марина. Моя невеста.

Я проглотила это, как горькое лекарство. Непонятно было только, почему Николай Иванович мне ничего не сказал.

– Ты к деду?

– Ага, – рассеянно кивнула я. Игорь улыбнулся.

– Понятно. Ладно, мы пойдем уже, дела... – Он все с той же улыбкой обнял меня, и они с Мариной зашагали дальше. Я не стала провожать их взглядом.

– Да, понимаешь, стерва она, Маринка-то... – вздыхал Николай Иванович. – Я и говорить ничего не стал, увидел, Игорек к тебе потянулся. Думал, может бросит эту куклу. Ты ведь девочка хорошая, умная. А Маринка стервь еще та.

Я молча слушала. Оказывается, Игорь уже давно встречался с Мариной, своей бывшей одноклассницей. Может, он действительно мог расстаться с ней из-за меня. Но не расстался. Мне было противно – то ли от того, что меня обманули, то ли от того, что я чуть не разрушила будущую семью. Может, она вовсе и не плохая, эта Марина. Не хуже моей матери.

Я просидела у Николая Ивановича допоздна и только на закате спохватилась, что не навестила своего ангела. Сторож печально улыбнулся, когда я засобиралась на само кладбище.

– К бабке своей собралась? Это хорошо, ты сходи. И брата навести, надо хоть изредка навещать. А то сколько уже времени прошло, а ты там так и не была.

Я только кивнула. Я действительно зашла к родственникам, но не пробыла там долго. Не могла смотреть на фотографию Артема. Это было слишком сложным испытанием. Я быстро пошла к ангелу.

Он стоял всё там же, хотя свежие могилы на местах старых – подобрались уже близко. Я подошла к нему, погладила холодный камень. И вдруг почувствовала себя, как тогда, в детстве. Мне снова не хотелось домой, но было страшно остаться одной в темноте. А возвращаться к родителям – еще страшнее. Я заплакала, прижавшись к памятнику, даже не думая, что меня мог кто-нибудь увидеть. Хотя, кто может бродить здесь так поздно...

Поздно!

Я встрепенулась и огляделась. Начинили сгущаться сумерки.

«Никогда не приходи сюда ночью».

Суеверный страх заставил меня убежать оттуда, промчаться мимо сторожки, лишь крикнув на бегу выглянувшему старику:

– Я на автобус опаздываю! До свидания!

Николай Иванович растерянно помахал мне вслед.

Я добежала до остановки и полчаса стояла в ожидании автобуса. За это время в моей голове пронеслись тысячи мыслей. Одни утешали, другие пугали. Я вспоминала всё по порядку. Историю моих родителей. Побег из дома. Встречи с тем таинственным человеком и его слова. Атоса, Рона и Артемиду. Оставшегося дома Аполлона. Маму. Артема.

Отца Игоря. Всех. Всё. И понимала, что, чем больше я об этом думаю, тем меньше всё это имеет ко мне отношение.

Я села в автобус, даже не посмотрев его номер. И потом шла домой тёмными дворами, ничего не замечая вокруг. Я улыбалась, вспоминая, как мы с Артемом дурачились, как он учил меня играть на пианино. Или плакала, до сих пор не смирившись с его смертью. Я до боли в пальцах стискивала кулаки, царапая ногтями ладони. Пинала попадавшие на пути бутылки и коробки. Какой-то подвыпивший парень пытался познакомиться со мной, но быстро отстал.

Я пришла домой. Я жила на первом этаже, но словно забыла об этом и по привычке поднялась на шестой. Постояла, тупо глядя на чужую дверь. Потом зашагала обратно. Долго искала в сумке ключи, забыв, что они в кармане. Зашла внутрь. Аполлон встретил меня жалобным воем. Я слишком задержалась, и щенок не выдержал, испачкав пол в прихожей. Я не стала его ругать. Молча взяла тряпку и вытерла лужицу. Вернулась в ванную, долго бессмысленно полоскала тряпку, словно меня заело на одном и том же действии. Потом бросила тряпку на пол и огляделась. На полочке под зеркалом лежала бритва. Я осторожно взяла её, словно боялась порезаться.

Мне вдруг стало очень интересно, как это – покончить с собой. Я приложила бритву к запястью, словно бы примериваясь. Вдруг что-то коснулось моей ноги. Это был Аполлон. Я выдворила щенка в коридор и прикрыла дверь, чтобы он не мешал. Снова примерилась.

Я не собиралась резать себе вены. Но я это сделала. Из любопытства, из страха, из отчаяния... Я даже сама толком не понимала – из-за чего. Я так никогда этого и не поняла.

За дверью раздался отчаянный испуганный лай. Аполлон всё понимал, но ничего не мог сделать. Я села на пол, чтобы не упасть, когда ослабну. Если соседи услышат лай собаки, они ещё могут меня спасти. В таком случае мне не придется даже умирать, чтобы ощутить это...

И только тут я осознала, что сделала. Я попыталась встать, дотянуться до аптечки или, хотя бы, полотенца, но не смогла. Тело не слушалось. Весь пол был скользким из-за крови. Не знаю, сколько её из меня вытекло.

К счастью, соседи всё-таки услышали Аполлона и успели придти на помощь. Наверное, им пришлось взломать дверь. Значит, я уже долго здесь сижу, истекая кровью.

Кто-то выругался рядом смутно знакомым мужским голосом. Я пыталась разглядеть человека, пытавшегося остановить кровь. Но перед глазами всё расплывалось. Я чувствовала, как он туго бинтует мне руку, как поднимает меня на руки и несет в комнату. Он положил меня на кровать, а сам сел рядом. Было тихо, даже Аполлон перестал лаять. Я подумала, что сейчас приедет скорая. И уснула. Вернее, потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, Он был рядом. Тот, кто меня спас. Я чувствовала руку, гладившую меня по волосам. Рука была мягкой и прохладной. Я открыла глаза. Это был Он. Я сразу же узнала Его, потому что часто видела – в образе каменного ангела. Это был действительно Он. Аполлон лежал у Него на коленях, грустно глядя на меня карими умными глазами.

Я попыталась сесть, но Он мне не дал.

– Полежи, – тихо сказал Он. – Тебе надо отдохнуть.

– Почему я не в больнице?

– Это не нужно. Ты быстро поправишься. Просто тебе надо полежать, отдохнуть несколько дней.

Я повернулась на спину, положив голову Ему на колени. Аполлон заворчал, но подвинулся. Он ласково смотрел на меня сверху вниз.

– Ты меня напугала.

– Как ты здесь оказался?

Он улыбнулся.

– Ты не закрыла дверь.

– Но как ты узнал?

– Узнал. – Он пожал плечами. Осторожно переложил мою голову обратно на подушку. Согнал Аполлона. Встал, неторопливо подошёл к стоявшему в углу синтезатору.

– Ты играешь?

– Брат играл, – ответила я. Он осторожно тронул клавиши.

– Можно?

Я не ответила. Ему можно было всё. Особенно теперь, когда Он спас мне жизнь.

Он прикоснулся к клавишам кончиками пальцев, и полилась негромкая спокойная музыка. Он превосходно играл. Ведь это был Он. Я чуть приподнялась на локтях, следя за ним.

– Скажи... ты ангел, да?

Он не ответил. Я не видела в темноте, но, наверняка, Он улыбался. Я продолжала.

– Ты мой ангел-хранитель, верно?

– Нет, – едва слышно ответил он. – Я бы не отказался им быть, но – нет. Я вовсе не ангел.

– Тогда кто ты?

– Никто.

– Так не бывает.

Он глянул на меня через плечо.

– Бывает многое.

Я не знала, что ему ответить. Поэтому снова спросила.

– Почему ты запретил мне приходиться к тебе?

– Чтобы ты заболела этим? Ночным кладбищем, таинственным незнакомцем, всей этой чепухой, которой болен я? Я уже сказал – я не ангел, не гожусь я для этой роли.

– Ты даже не изменился с тех пор, – возразила я. Он покачал головой.

– Я постарел. Десять лет прошло.

Я чуть не заплакала от обиды.

– Но как тогда ты оказался здесь? Откуда ты узнал?

– Просто решил навестить тебя. – Он отошел от синтезатора. Склонился надо мной. – Пожалуйста, не волнуйся. Тебе нужно отдохнуть. Поспи.

– А ты уйдешь, пока я буду спать, – уверенно заявила я. Он погладил меня по голове.

– Ты как ребёнок.

– Ты останешься?

– До утра.

Утром его уже не было. Не было никаких его следов. Даже в ванной была чистота и порядок. Я пыталась думать, что это мне приснилось. Но повязка на руке была, были шрамы, оставшиеся со мной на несколько лет.

Вечером я отправилась на кладбище. Я не стала идти через ворота, чтобы не беспокоить Николая Ивановича. Я могла найти моего ангела, когда бы ни пришла, я знала дорогу к нему откуда угодно. Вот и сейчас я легко нашла ту поляну. Четверо рабочих на ней уже выкопали статую и пытались оттащить ее в сторону. Заметив меня, они смутились. Я только спросила:

– И куда его теперь?

Рабочие нахмурились.

– А ты что, родственница?

– Нет. Просто интересно.

Рабочие расслабились. Их бригадир почесал затылок.

– Жалко такую красоту выбрасывать. Надо бы оттащить куда-нибудь, пусть стоит.

– Ага, на дачу к себе забери! – поддел его напарник. – Хватит языками чесать. Давайте уже уволокём его куда-нибудь, и бог с ним!

Они принялись дальше возиться вокруг каменного ангела, примериваясь и решая, как его лучше унести. Я смотрела на них, ни о чём не думая. Потом стала смотреть на деревья, окружающие поляну. Мокрый жёлтый лист сорвался с дерева над моей головой и, кружась, опустился мне на плечо. Я взяла его, повертела в руках и выпустила. Он упал на землю рядом с кучей перекопанной земли и сразу затерялся среди таких же опавших листьев.

Через месяц я продала квартиру и уехала в Питер, забрав с собой только Аполлона. Думаю, Артем был бы этому рад.

Оглавление

Ветер и Лиза	4
Я люблю	8
Руки	10
Милость богов	11
Серьга	17
Медальон	35
Непонимание	56
Каменный ангел	70

Тираж 50 экз.